

Натали Рок

КРӨВЬ

И

КЛЯТВА

Young Adult. Молодежное российское фэнтези

Натали Рок

Кровь и Клятва

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рок Н.

Кровь и Клятва / Н. Рок — «Эксмо», 2024 — (Young Adult.
Молодежное российское фэнтези)

ISBN 978-5-04-197534-0

Меня зовут Эания, и я полукровка. Война между людьми и эльфами длится долгие годы. Мои враги мечтают заполучить эльфийскую способность управлять стихиями и пойдут ради своей цели на все. Кровавый маг, карающая рука людской власти, стал виновником смерти моей матери. С тех пор я поклялась, что стану сильнее и покончу с магами крови. Первой целью станет тот, кто отнял у меня самое дорогое. Беспощадный, не знающий жалости, он заслуживает смерти. Моя рука не дрогнет. Я была уверена в этом, пока не встретила со своим врагом лицом к лицу...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197534-0

© Рок Н., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	24
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Натали Рок

Кровь и Клятва

© Натали Рок, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Пролог

Яне собираюсь принимать участие в войне, не собираюсь сражаться и нести ответственность за кого-то, кроме себя.

И маме это хорошо известно. Но она упрямо пытается вырастить из меня саму себя – могущественную чистокровную эльфийку. Что, по сути, невозможно, потому что во мне течет человеческая кровь.

– Эания! – зовет она со двора. – Время тренировки!

Я тяжело вздыхаю, споласкиваю руки от пыли, прилипшей к пальцам после сбора трав в лесу, и иду к ней. Мама магией воздуха подхватывает горшок с землей с другого конца двора и, заметив мое угрюмое выражение лица, напоминает:

– Через пару недель тебе исполнится восемнадцать, а ты до сих пор не овладела всеми четырьмя стихиями.

– Зато в совершенстве владею одной.

– Этого недостаточно. Возьми горсть земли и встань напротив меня.

Бесполезно спорить, когда мама в таком настроении, потому я послушно беру землю и встаю там, где сказано. Стихия не поддается ни через минуту, ни через десять. Она противится мне, а мамин взгляд тяжелеет. До меня доносится какой-то шум, и я с удовольствием отвлекаюсь от бесполезного занятия, выглядывая за невысокий бревенчатый забор:

– Ты это слышишь? Кто-то кричит...

Порыв ветра, словно мягкое прикосновение ладони, поворачивает мою голову обратно, голос мамы сух и строг:

– Эания, сосредоточься. Все внимание на землю в твоей руке. Почувствуй ее податливость, она уже готова тебя слушать. Такая же земля находится в горшке. Подними ее.

Я вздыхаю и недовольно сужаю глаза на горшок у маминых ног. Сдуваю с лица рыжую прядку, сжимаю кулак с землей сильнее и напрягаюсь.

Ну же! Взлетай!

– Не пытайся подчинить ее своей воле! Ты проводник! Укажи ей путь!

Я хитро улыбаюсь, разжимаю кулак с землей и растопырываю пальцы в стороны, чтобы поймать ими ветерок. Направляю воздух в зазоры между каменными стенками горшка и утрамбованной в нем землей и толкаю вверх. Земля выскакивает из горшка, как пробка из бутылки, а затем рассыпается по траве. Черная пыль оседает на подоле маминого платья.

– Эания, – устало вздыхает она, – ты должна уметь сражаться!

Меня снова привлекает шум, но я продолжаю привычно спорить с мамой:

– Война не касается лично меня.

– Да-да, однажды ты сбежишь в Пустошь и проживешь вольно, – мама в два счета возвращает землю в горшок, словно та не вылетала вовсе, и строго смотрит на меня. – Ну а пока...

Теперь до нас доносится металлический лязг, и мама его тоже слышит. Она спешит к забору, у которого уже стою я, и вглядывается в конец улицы. Многие из наших соседей поступают так же, у всех на лицах застыл страх.

– Маг крови...

Я вижу вдали мужчину в черном балахоне с капюшоном. Он гордо восседает на могучем черном коне. Вестник смерти. Или сама смерть в человеческом обличье. Марионетка в руках жестоких кукловодов – людей.

Нам всем пришел конец.

Мама хватается за руку и тянет к дому:

– Эания, похоже, сбежать тебе придется раньше, чем ты планировала.

Я замечаю едва ли не одновременно с ней:

– Ты говорила, что война придет сюда еще не скоро!

– Это было больше пяти лет назад.

– Постой, ты не пойдешь со мной? Но...

– У тебя мало времени, милая! – отпускает она мою руку и бросается к сундуку со своими бумагами. – Возьми сумку и собери себе в дорогу еды. Не забудь про воду. Эания, собирайся, ну же! Немедленно!

Я стискиваю зубы и бегу на кухню. Тревога сжимает сердце, во рту горчит, а глаза печет. Но это не первый наш побег, мы справимся. Выживем. Все как всегда. И мама обязательно уйдет вместе со мной.

Нахожу в корзине с лесными травами свою поясную сумку и тут же закрепляю ее на талии. Забрасываю внутрь небольшие склянки с целебным порошком, огниво и другие важные мелочи, что попадают на глаза. С крюка у задней двери снимаю колчан со стрелами и лук. Беру наплечную сумку и быстро заполняю ее едой и водой. Оставив припасы у двери, возвращаюсь в общую комнату.

Мама набрасывается на меня, как ястреб на добычу. Ее белокурые волосы парят в воздухе, словно обдуваемые ветром, глаза горят, как два ярких факела в ночи, но выражение лица остается спокойным и строгим. Мама нервно впивается ногтями в мои плечи и быстро говорит:

– А сейчас, Эания, слушай меня внимательно! В этот раз тебе предстоит бежать одной. Как можно дальше отсюда. Не оглядываясь. Я знаю, что ты справишься. Эта карта подскажет путь, слушай ее и свое сердце, они не обманут.

– Мам... – сглатываю я ком в горле.

– Ты обязана спастись, слышишь? И обязана слушать свою мать! Я останусь, чтобы задержать мага крови, спасти тех, кого еще можно спасти. Я здесь единственная из чистокровных и несу ответственность за свой народ. Как и ты, как и все те, в ком течет эльфийская кровь. Ты еще не понимаешь этого, но однажды поймешь. А сейчас...

Мама вкладывает свернутый пергамент в мою сумку, а затем снимает с себя цепочку с медальоном в виде овала, разделенного пополам, и надевает на мою шею. Крепко обняв, она тут же отпускает меня:

– Беги!

– Обещай, что скоро нагонишь меня!

Мама смотрит на меня прощальным взглядом: в нем столько любви, ласки и гордости, что я едва не реву в голос. Не хочу прощаться навсегда! Не хочу уходить! Не хочу оставлять ее здесь одну!

– Береги мой медальон, вернешь его, как только мы увидимся вновь.

С улицы доносится треск и крики, раздающиеся уже громче прежних. Мама взмахивает рукой в сторону входной двери – та слетает с петель от мощного порыва ветра – и шагает навстречу войне. Смерти. У ее пальцев клубится раскаленный добела огонь.

Я вбегаю на кухню, набрасываю ремень сумки с запасами на плечо и устремляюсь на улицу через заднюю дверь. Несусь мимо грядок с овощами, которые мы посадили буквально на днях, использую магию воздуха, чтобы легко перепрыгнуть через забор, и падаю на одно колено с другой стороны. Не оглядываюсь. Срываюсь напрямик в лес, который поднимается густыми деревьями и кустами по холму. Лес меня укроет, поможет, как и всегда.

Сейчас я не думаю ни о чем, кроме того, чтобы забраться на вершину как можно скорей, словно я решила поохотиться и очень спешу не упустить добычу. И только оказавшись наверху, в месте, где деревню полуэльфов видно как на ладони, я падаю в высокую траву у широкого ствола и впиваюсь взглядом в развернувшийся внизу бой.

Мужчины и женщины, как и моя мать, встали на защиту своих домов. В их руках мечи и ножи. Те, кто может, используют магию. Выстоять против людей у них шанс есть. Выстоять против мага – нет. Но он не спешит вмешиваться. Пока всю грязную работу выполняют его бешеные псы, убийцы: отряд людей, намного превышающий численностью жителей деревни. Их окровавленные мечи мелькают тут и там, вспарывают животы и шеи полуэльфов. Их броня отбрасывает блики в лучах заходящего солнца. Но и она спасает не всех. Не от огня, который бросает мама.

– Чистая! Среди них есть Чистая!

Вот тут-то маг крови и начинает действовать.

Я мысленно ругаю маму за то, что та себя выдала. Но у нее нет другого выхода – она защищает группу тех, кто уводит в лес детей и стариков.

Среди лязга сражения и криков боли раздается эхо маминого голоса:

– Не стоит тебе, маг, пускать себе кровь!

Я впиваюсь взглядом в их высокие фигуры, одна под стать другой. Волосы и подол платья мамы развеивает ветер, подвластный ее воле, а вот балахон и капюшон мужчины висят на нем без движения. Одна из ладоней мага отбрасывает блик: нож, спрятанный в рукаве. Секунда – и клинок со скоростью света летит в мою мать.

– Я не слушаю советов эльфов!

Мама обхватывает пальцами рукоятку ножа, вонзившегося ей в живот. Она падает на колени, а затем заваливается на бок.

Не верю своим глазам. Не верю, что мою умную, добрую, нежную и безмерно сильную мать лишило сил такое ничтожное оружие, как нож. Не верю! Почему она не сотворила щит?!

Стиснув зубы, я присаживаюсь на одно колено и прикладываю к тетиве лука стрелу. Стреляю я метко, и стрелы мои быстры, как ветер.

Вдох. На выдохе разжимаю пальцы. Стрела со свистом устремляется вперед, к чудовищу, что посмело тронуть мою маму. Вот только... Легкое движение пальцев убийцы, и стрела камнем падает ему в ноги, а взор устремляется в мою сторону.

– Догнать лучника и убить! – приказывает маг своей своре. – Их всех!

С его пальцев начинают сыпаться искры, и через секунду стоящий рядом дом охватывает мощное и ревущее пламя. Пасс рукой, и порыв сильного ветра разносит огонь в разные стороны, его жар охватывает дома моих соседей. Через несколько секунд горит вся деревня.

Люди в окровавленных доспехах поднимаются по холму, заходят в лес.

Я убираю лук за плечо, встаю и, не прощаясь ни с мамой, ни с местом, что служило мне домом долгие годы, бегу дальше в чащу. Мне не дали времени на прощание, но ничто не мешает мне дать клятву. И я клянусь, что однажды обрету силу и покончу с магами крови, с каждым из них. И начну с того, кто убил мою мать.

Глава 1

Таверна «Грязный Кирк» не зря носит такое название: внутри до одури воняет человеческим потом, кислятиной дрянного пойла и тухлым мясом, из которого Кирк, хозяин забегаловки, готовит отвратительную на вкус похлебку. Пол здесь не мыли годами, а в углу, над столиком, за которым я обычно сижу, живет целое семейство пауков. Пойманная в паутину муха противно и пискляво жужжит, пока к ней ползут хозяева, чтобы полакомиться. Но я вынуждена терпеть неудобства, потому что таверна Кирка – единственная забегаловка близ дорожного тракта, и только здесь могут объявиться те, кому нужен проводник.

Я закрываю глаза и откидываю голову на неровную каменную стену. Благо на голове шапка, которая смягчает острые углы. Сегодня я снова провела весь день на Топях: помечала деревья, проверяла, как сильно сместились тропы и насколько громко можно шуметь, чтобы не привлечь тварей, что обитают в болотах. Это выматывает, но у меня нет выбора: чтобы странствовать по отвоеванным у эльфов землям, нужны человеческие деньги.

Кто-то грубо пинает мой ботинок, я сжимаю рукоять ножа под курткой и недовольно приоткрываю один глаз. Надо мной нависает сам хозяин забегаловки, от мужчины несет перегаром и тухлым мясом, а от тарелок на грязном подносе в его руке поднимается пар только что приготовленной похлебки.

– Чего тебе, Кирк?

– Вон, залетные, – дергает он своим костлявым подбородком в сторону кучки людей, появившихся в таверне полчаса назад, – проводника ищут. Я им сказал о тебе. Пойдем, познакомлю.

Кивнув, я отправляюсь вслед за стариком.

Кирк грохает поднос о деревянную столешницу с такой силой, что стол жалобно скрипит, а похлебка разливается по поверхности.

– Ну и вонь, – замечает кто-то.

– Вот она, проводница, – хлопает меня по плечу Кирк, и я недовольно морщусь. – Давай, рыжий, расплачивайся, как обещал.

Старик протягивает руку к широкоплечему и крепкому на вид мужчине с медными кудрями, чем-то похожими на мои вихры, и густой бородой. Незнакомец, разглядывая меня, вкла-

дывает в его мозолистую ладонь медяк. Кирк тут же уходит, а человек отодвигает для меня стул:

– Ния, верно? Садись, есть разговор.

Я принимаю приглашение и настороженно разглядываю людей. С ними всегда нужно быть начеку, особенно мне, полуэльфу, скрывающему свою сущность, потому я не упускаю из виду выражение лица каждого за столом.

Их пятеро: рыжий и холеный, что расплачивался с Кирком; мощного вида женщина, которую можно принять за чистокровного эльфа, если бы не совершенно человеческие уши и темные, грязные от дорожной пыли волосы; худой и долговязый паренек, согнувшийся в три погибели, словно пытается быть как можно незаметнее; и два здоровяка, похожих друг на друга как две капли воды. Последние настораживают сильнее прочих. Лица у них каменные – не поймешь, о чем думают, а по выправке понятно, что умеют сражаться. Но явно не из бешеных псов, которых таскают за собой маги крови. Нет в их глазах отголосков того, что однажды они вкусили эльфийской крови. А она всегда оставляет след. Всегда.

– Итак, Ния, – облакачивается на стол рыжий, в уголках его глаз появляются паутинки морщинок от усталой улыбки. – По дороге сюда мы столкнулись со спятившим трехрогом и едва унесли ноги. Разумеется, наши кони погнались за ней – самка, бес бы ее побрал. Осталась лишь дохлая лошадка Сиуса, – мужчина усмехается и бросает насмешливый взгляд на долговязого паренька. Я тоже усмехаюсь, но по другой причине.

Трехрогом люди зовут лесного виру – существо, похожее на оленя из их земель. Они не бешеные, просто не терпят близости от гнезда незваных гостей. Ну а кони... Кони и правда остро реагируют на виру, если те противоположного пола. Будут крутиться возле них без сна, пищи и воды, пока не упадут замертво.

Сиус, как того назвал рыжий, пригибается еще сильнее.

– В общем, в этом захудалом городишке найти стоящих скакунов нам не удалось, – продолжает мужчина. – А мы спешим в Бриос. Очень. И хорошо тебе заплатим, если ты, как сказал тот пьяница, сможешь провести нас через Топи. Сможешь?

Бриос, ранее именуемый Ваалисом, один из крупных городов на отвоеванной людьми земле. Он находится в паре недель пути отсюда, если обходить Топи. Или в двух-трех днях, если идти через них.

– Смогу, – киваю я. – Но не уверена, что все выйдут оттуда вместе со мной.

Топи – место опасное. Мама рассказывала, что в хорошие времена туда не всякий эльф совался. Даже сильнейшие из них пропадали там без следа или возвращались обезумевшими. А уж сколько сгинуло людей – не счесть. Земли эльфов – не шутки. Думаю, люди до сих пор не понимают, во что ввязались. Как и те, что сидят напротив меня.

Впрочем, мне это, с какой стороны ни посмотри, только на руку.

– Вот увидишь, мы тебя удивим, – подмигивает рыжий.

У меня на секунду темнеет в глазах, а в следующий миг я оказываюсь посреди Топей.

Ночь. Голые ветки деревьев тянутся к болотам. Густая грязь булькает. Мужские руки. Они цепляются пальцами за твердую землю. Под ногтями собралась грязь. Медные кудри слиплись от глины. Глаза расширены от страха.

– Помогите!

Я моргаю, и видение испаряется. Смотрю на рыжего уже иначе и говорю:

– Я беру всю сумму вперед. Вы беспрекословно выполняете мои указания. Все до единого. Идем налегке, с собой лишь самое необходимое в наплечной сумке, ничего громоздкого и тяжелого. Лошадь придется оставить здесь. Если согласны с условиями...

Сиус жалостливо икает, когда слышит про свою лошадь, а говоривший со мной мужчина твердо кивает:

– Согласны.

Я поднимаюсь на ноги, отчего ножки стула противно скрипят о дощатый пол, обвожу людей взглядом и завершаю нашу сделку:

– Выходим завтра. Встречаемся у таверны на рассвете.

По дороге в свою комнату на втором этаже нахожу пальцами под курткой медальон мамы и сжимаю его. Повторяю себе в очередной раз: мертва.

Помимо того что чистокровные эльфы легко управляются со всеми четырьмя стихиями, некоторые из них владеют даром предвидения. Дар этот очень редкий и ценный, и, чтобы научиться им правильно пользоваться, могут уйти годы. Мама умела. По крайней мере, мне так казалось. А еще этот дар если и передавался по наследству, то исключительно после смерти видящего. И только чистокровному потомку.

Почему после смерти мамы – возникающие видения больше не позволяют сомневаться в том, что она мертва, – дар перешел ко мне, к полукровке? Хороший вопрос. Но то, что я иногда вижу будущее, неоспоримо. И оно ведет меня к цели, изо дня в день. К долине Эльвос.

Я зажигаю свечу на столе, падаю на стул и раскрываю карту, которую дала мама. Она заколдована: показывает конечную цель, но путь выбирает по обстоятельствам, ведомым только ей самой. Я чувствую в ней мамину магию. Эта карта помимо медальона – все, что осталось мне от мамы, и она настаивает на том, чтобы я шла через Топи.

Веду подушечкой пальца по чернильным буквам, выведенным маминой рукой. На желтоватый от времени пергамент падает слезинка. Бумага впитывает ее в себя. Свернув карту, я приступаю к сборам.

Спится мне этой ночью плохо.

Так происходит всегда, когда мне предстоит провести несколько дней в компании людей. Тесное общение с ними сродни хождению по тонкому льду. Один неверный шаг – забытая шапка или косой взгляд, а, может, грубое слово, – и все. Придется драться, чтобы выжить. Главное – сразу получить деньги, а с остальным буду разбираться по ходу действий.

Я поднимаюсь задолго до рассвета. Подхватываю свои вещи и иду в лес недалеко от таверны, чтобы немного попрактиковаться с магией земли. Больше никаких уловок или хитрости – я серьезно настроена овладеть всеми четырьмя стихиями. Мама, спустя восемнадцать лет моей жизни, наконец добилась от меня усердия. Жаль, что для этого ей пришлось умереть.

Первые лучи солнца я встречаю, сидя на камне в тени горюющего люна. Его свисающие длинные ветви с мелкими листиками и коричневыми цветами скрывают меня от глаз тех, кто ошивается у входа в таверну. Судя по всему, мои попутчики остались на ночь здесь же. Догвязый паренек вышел во двор первым, чтобы попрощаться с лошастью. Удивительная для людей привязанность к животному, которое служит лишь для того, чтобы им было легче жить.

Сиус долго гладит ладонью шею кобылы, что-то шепчет, перебирая пальцами жиденькую гриву, затем обхватывает руками лошадиную морду и утыкается своим лбом в ее. Кобыла ржет, задрав голову, резкое движение сбивает с головы паренька шапку, и та летит на вытоптанную копытами и человеческими ботинками землю. Сиус заметно пугается и бросается к шапке. Странно.

Из дверей таверны выходит рыжий. Осмотревшись, подходит к пареньку, поправляющему на белокурой голове шапку, и хлопает его по плечу:

– Я договорился с хозяином трактира, он позаботится о твоей зазнобе, пока здесь не появится кто-то, кто тоже направляется в Бриос. Увидишь ты еще свою хилую, не горюй.

– Точно позаботится?

– Я хорошо ему заплатил. Что скажешь, Ния? Не зря мы доверяем трактирщику?

Глазастый какой.

Я выхожу из своего укрытия, на что паренек удивленно открывает рот, и говорю:

– Кому-то повезет больше нас: они будут есть похлебку из свежего мяса.

Сиус бледнеет, а рыжий хохочет. Во двор выходят остальные члены его отряда: женщина недовольно хмурится, а братья зевают один за другим.

– Как можно веселиться в такую рань? – ворчит человечка.

– Нам повезло с проводницей, – подмигивает мне рыжий и снова хлопает паренька по плечу. – У нее хорошее чувство юмора.

Сиус облегченно выдыхает, а я подхожу к главарю и протягиваю руку:

– Расплачивайся, и отправляемся.

Рыжий кивает, поворачивается к одному из братьев и ловит мешочек с деньгами, что тот ему кидает. Куль звонко звенит, а затем приятно удивляет своей тяжестью мою ладонь.

– Серебро, – поясняет рыжий. – Вся сумма сразу. Получишь еще столько же, если не только проведешь через Топи, но и сохранишь жизнь нам всем.

Я бросаю деньги в сумку и смотрю на мужчину:

– Я подумаю.

Он лукаво улыбается и прикладывает ладонь к своей груди:

– Меня зовут Элар...

В глазах темнеет.

Полумрак помещения. Медные локоны закрывают профиль мужчины, склонившегося к женской руке. Его губы прокладывают дорожку из поцелуев по светлой коже. Все выше, к изгибу локтя...

Я моргаю и скашиваю глаза на свою руку. Неужели это была она?!

– ...ты уже знаешь. Ворчунью зовут Туарой, а братьев – Леорс и Веорс. Они, кстати, откликаются на оба этих имени. Мы не плохие люди, Ния.

Снова смотрю на рыжего, а к горлу подкатывает тошнота. Не верю, что это могли быть мы с ним. Я ни за что не допустила бы такого, лучше перерезать себе горло.

– Никто не считает себя плохим, – бросаю я, – даже совершая ужасные вещи. Нам пора.

Элар отводит от меня задумчивый взгляд и кивает:

– Веди нас, проводница.

Спустя полчаса мы достигаем дорожного тракта, сворачиваем на юго-восток и ступаем на колею, оставленную колесами людских телег. Дорога ведет в дикую фруктовую рощу, расположенную на самой границе с Топями. Последний благоухающий рубеж перед тьмой, запустением и возможной смертью. По сторонам колышется высокая синь-трава, ее голубоватый оттенок напоминает журчащий на солнце ручеек. Ночью она обретает густой синий цвет, что делает поле похожим на глубокое темное озеро.

Я стараюсь не думать о недавнем видении, но вскоре меня нагоняет Элар, и я непроизвольно веду плечами от отвращения, а под курткой нахожу рукоять ножа.

– Почему ты этим занимаешься, Ния? Откуда так хорошо знаешь бывшие земли эльфов?

Я настораживаюсь, но Элар выглядит так, словно решил просто поболтать, от скуки. Он с любопытством мальчишки, открывшего что-то новое, всматривается в незнакомые просторы.

В просторы некогда прекрасного королевства Алья, миролюбивого и жившего в гармонии с природой. Эльфы всегда уступали людям в численности – те плодились, как яблоки в конце лета, – но королевство их было огромно. Незаселенные обширные земли и привлекли сотню лет назад тогдашнего короля маленькой, соседствующей с Альей Олазории. И мирным путем король людей идти не захотел – жаждал прославиться для своих потомков завоевателем. Так и вышло. Алья сгинула под жестоким натиском людей, став Олазорией. Чистокровных эльфов почти не осталось, они вынуждены скрываться где-то в собственных землях, вынуждены отстаивать свое наследие, поэтому война продолжается: одни не желают сдаваться, а другие жаждут истребить врага как вид.

Я отворачиваюсь от Элара:

– Выросла здесь.

– Понятно. А мы вот в этих краях впервые. Удивительная штука мир, верно? Жизни не хватит, чтобы увидеть все его чудеса.

Я не отвечаю, поэтому Элар продолжает:

– А родилась ты здесь? Или в землях людей?

– Это и есть земли людей, – жму я плечами.

– Верно. Я к тому, видела ли ты Старый мир? Знаешь, что такое пшеница?

– Это невиданное средство, из которого делают муку? – усмехаюсь я.

Элар смеется:

– Я про пшеничные поля. Огромные, колосистые... Переливаются золотом на солнце – зрелище не хуже, чем поле с синь-травой.

– Угу.

– Неинтересно? – вглядывается он в меня.

Я пожимаю плечами.

– Хвойные леса тоже что-то невероятное. Запах ели, шишки с мягкими орешками. Правда, до них еще добраться надо. А если высушить... Красота! Я рос в Старом мире, а недалеко от моего дома находился сосновый лес – не представляю, как не переломал себе руки-ноги, до того любил лазать к самым верхушкам. И все пальцы в смоле – не отмыть. Доброе было время, веселое.

– И что случилось? – спрашиваю раньше, чем обдумываю необходимость своего вопроса.

– Я повзрослел, – отвечает он с печалью в голосе. – Время для детских шалостей неминуемо закончилось.

Зато оно у него было. У детей эльфов и полуэльфов такой блажи нет. Их с пеленок учат выживать.

– В животе урчит, – жалуется позади один из братьев.

– Пожрать бы, – соглашается второй.

Я оборачиваюсь и бросаю:

– Сделаем привал, как доберемся до рощи, поэтому советую шевелить ногами.

Я и сама ускоряю шаг, чтобы оторваться от рыжего и не слушать рассказов о его детстве. Ни к чему мне знать, что люди не сразу рождаются чудовищами.

На привале я намеренно отделяюсь от компании и некоторое время за ними наблюдаю. Они действуют слаженно: один нарезает хлеб, другой – сыр. Третья собирает в тряпицу ягоду, что растет неподалеку. Четвертый передает бутылку с водой долговязому пареньку. Вот он-то как раз ничего не делает, только принимает заботу и даже в некоторой степени смущен из-за нее. Он им важен, но я пока не пойму причин.

Отворачиваюсь и иду глубже в рощу, чтобы собрать в дорогу пиан, которые как раз поспели, превратившись из маленьких зеленых клубней в мясистые плоды насыщенно синего цвета, размером с хороший мужской кулак. Один плод этих фруктов способен заменить собою полноценный обед, но если есть его каждый день на протяжении недели или дольше, то можно и помереть.

Вернувшись, я застаю людей готовыми двигаться дальше. Пожалуй, их собранность мне по нраву, но не больше. Я киваю, и мы отправляемся.

Вскоре роща начинает редеть. Птицы, что попадались по дороге, уже не вьют здесь свои гнезда и даже мимо пролетать не рискуют. Звери и подавно обходят это место стороной.

Когда позади остается последнее цветущее деревце и последняя зеленая травинка, впереди вырастает мрачный и высокий лес, далеко протянувший свои когтистые ветви с запада на восток. За спиной раздается дружное «Ох».

Я ступаю на почерневшую землю и разворачиваюсь лицом к людям. Дождавшись полного внимания, по очереди смотрю на каждого и предупреждаю:

– Привала не будет до самой ночи – нужно пользоваться возможностью пройти твердую землю как можно быстрее. С мягкой землей будет сложнее. Как только войдем в лес, говорим шепотом, любой громкий звук привлечет летающих когтезубов. Идем быстро, но тихо, запомнили? Привал не больше пяти минут, коснитесь моего плеча, когда станет неважно. Ночь проведем в месте перед самой мягкой землей, если успеем добраться. Готовьтесь мерзнуть – ночи в Топях холодные, а огонь разжигать нельзя. Итак, всем все ясно?

Элар переглядывается с каждым из своего отряда и отвечает за всех:

– Идем быстро, но тихо. Приняли, Ния.

– Отлично, – киваю я и, повернувшись обратно, замечаю себе под нос: – Да поможет им их треклятый бог.

Где-то на протяжении нескольких часов все идет более или менее гладко. Шагаем мы быстро, держимся собранно и тихо. Но из-за того, что ничего страшного не происходит, люди против воли начинают расслабляться – напряжение отступает, они считают, что хорошо справляются и понемногу теряют бдительность. Разумеется, зря.

Мрачный лес, сквозь когтистые и запутанные кроны которого едва ли проникает свет солнца, только этого и ждет. Затаился. Как хищник, не желающий спугнуть добычу раньше времени. Провождает ее голодным и жадным взглядом. Предвкушает. Добыче лишь стоит сделать один неверный шаг...

Чьи-то пальцы касаются моего плеча, я оборачиваюсь и киваю:

– Три минуты, не больше.

Люди приучили себя к удобствам: еде в неограниченном количестве, разнообразным напиткам и лошадям, что таскают на себе их отъевшиеся туши. Им никогда не приходилось выживать. Большинству из них. Поэтому и отдых им требуется гораздо чаще, чем, например, мне.

Пока остальные жадно глотают воду, передавая бутылку из рук в руки, ко мне подходит Элар и тихо спрашивает:

– Если здесь днем так темно и мрачно, то как мы поймем, что наступила ночь?

– Вы поймете, будь уверен, – усмехаюсь я. Заметив, что Туара собирается усестись на корягу, предупреждаю: – Лучше не стоит. Три минуты истекли.

Я отворачиваюсь от Элара, но успеваю сделать лишь пару шагов, когда происходит следующее: сначала раздается треск, затем стон боли, а следом изо рта Туары летят громкие ругательства.

Я оглядываю зашевелившиеся ветки деревьев и шиплю:

– Заткнись сейчас же! Замрите и не двигайтесь! И чтобы ни звука!

Даже в темноте заметно, как сильно бледнеет лицо Сиуса, как одинаково расширились от страха глаза у братьев, как с опаской озирается Элар, и как Туара виновато смотрит прямо на меня, закусив палец, чтобы оставаться тихой.

Бесшумно снимаю с плеча лук и вкладываю в него стрелу. Снова смотрю вверх, на ветки. Черные тени обретают форму – словно жирные наросты на стволе тянутся к небу. Нахваливаются. Прислушиваются. Жаждают устремиться камнем вниз, к несчастной жертве, что по глупости нарушила их покой.

Мгновение. Второе.

Ну же! Засыпайте!

Наконец наросты уменьшаются, затихают, как пробившийся из земли источивший свою мощь ручей, перестают двигаться.

Я оглядываю людей и шепчу:

– А сейчас бежим!

Стрелу я возвращаю в колчан, но дугу лука крепко сжимаю в пальцах. Сердце в груди бешено стучит. Это с виду может показаться, что я ничего не боюсь. На самом же деле за два

месяца жизни без того, кто создавал для меня ощущение абсолютной защищенности, я просто хорошо научилась прятать собственные страхи.

Я перехожу на шаг только тогда, когда мы добираемся до широкой поляны с высокими деревьями по краям. Здесь чуть больше света за счет не такого плотного переплетения веток. И летучие когтезубы предпочитают деревья пониже.

Элар вновь трогает меня за плечо и молчаливо спрашивает, можно ли говорить. Я киваю.

– Туара поранила ногу, – шепчет он. – Нужна перевязка.

Я смотрю себе за плечо и вижу, как братья, подхватив женщину под руки, помогают ей добежать до нас. Одну ногу Туара держит на весу. Даже удивительно, как они смогли бежать в таком виде достаточно бесшумно.

Женщина падает на широкий ствол, изгибающийся над землей, и тихо ругается. О том, что ей больно, говорит лишь выступивший на лбу и над губой пот, да кровь, промочившая кожу ботинка. А я предупреждала: здесь все не то, чем кажется. Злиться без повода чревато последствиями.

– Прости, Ния. Я тупая ослица, – шепотом кается женщина. – Врезала ногой по этой коряге, а она пустая внутри. Края острые, что нож...

– Спорить не буду, – киваю я и иду осмотреться. – Сильно шуметь по-прежнему нельзя.

Я нахожу свою метку, касаюсь ладонью ствола и закрываю глаза. Призываю воздух, закручиваю небольшой поток ветерком и отправляю его вперед. По ощущениям, воздушный поток обтекает мягкой волной лишь деревья да редкие голые кусты. Ничего плотнее и больше впереди нет. Выдыхаю и возвращаюсь обратно.

Туаре успели снять ботинок и обмыть рваную рану водой.

– Подождите, – шепчу я. – Бабушка научила меня готовить одно средство.

Шарю рукой в сумке, нахожу стекляшку с целебным порошком и присаживаюсь у ноги женщины. Она бросает опасливый взгляд на Элара – тот, похоже, кивает, и Туара молча принимает мою помощь. Я сыплю немного порошка на рану и разрешаю перевязать. Любое промедление будет стоить дополнительных часов пути, а я не хочу находиться с людьми дольше, чем требуется.

Распрямившись, я ловлю задумчивый взгляд Сиуса, который, впрочем, паренек тут же отводит. Непроизвольно веду плечами и отхожу от людей, чтобы в одиночестве подождать, когда они закончат с перевязкой. Дойти к ночи до места, которое я днями ранее приготовила специально для ночлега, мы не успеваем.

Пространство вокруг постепенно светлеет: земля и деревья остаются черными, а воздух словно белеет. У нас ровно полчаса до момента, когда поднимется плотный серый туман, в котором будет не видно дальше собственной руки.

За спиной снова раздается дружный, но тихий вздох. Я оборачиваюсь и сообщаю, что сейчас придется бежать. Люди согласно кивают, и братья подхватывают женщину под мышки.

До места мы добираемся, когда туман уже обволакивает наши тела по пояс. Я смотрю на вспотевшие и ошарашенные лица людей и против воли улыбаюсь. Говорила же, они поймут, что наступает ночь.

Даю время отдышаться, а сама лезу на дерево, в дупле которого спрятала пару одеял. Бросаю их на землю и, спустившись, тихо говорю:

– Все, что есть.

– Мы и этому рады, Ния. Спасибо тебе.

– Ешьте и ложитесь спать. Отправимся в путь, как только туман спадет.

Я снова забираюсь на дерево и устраиваюсь на одной из крепких веток. Осматриваюсь, не заметно ли поблизости когтезубов, и достаю из сумки пиану. Меня окликает Элар. В густом тумане различается лишь его ярко-рыжая макушка.

– Ния! Разбуди меня через пару часов, я сменю тебя на карауле, – громко шепчет мужчина.

Толку от него в таком тумане?

Я усмехаюсь и бросаю:

– Лучше выспись как следует, Элар.

Снова закручиваю поток ветерка и отправляю на разведку. Убедившись, что поблизости нет крупных зверей, я кутаюсь в куртку, откидываю голову на ствол и закрываю глаза. Долгий был день. И непростой. Но я все ближе и ближе к своей цели.

Просыпаюсь я резко и едва не падаю с дерева. В груди звенит тревога. Я сосредотачиваюсь и понимаю, что кто-то из людей храпит, как медведь! Сна как не бывало. Быстро и ловко спускаюсь с дерева и иду на звук – храпит один из братьев. Наклоняюсь и торможу его за плечо:

– Просыпайся, треклятый дурак!

Ко мне присоединяется Сиус, с бледным от страха лицом, и тоже пытается достучаться до спящего. Но тот лишь начинает храпеть еще громче. И сквозь этот храп я слышу голодный рык. Волки. Разумеется, не простые, как и все в этом ужасном лесу. Огромные, с глазами, налитыми кровью, безумные и бесконечно голодные. Я удирала полдня от одного такого и спаслась только тогда, когда забежала на болота.

– Давай! – пинаю я храпящего. – Просыпайся!

– Ния? Что случилось? – появляется рядом сонный Элар.

– Ты не слышишь храп?! Если мы его не разбудим, сюда явятся волки!

– Теперь слышу. Подвинься-ка.

Элар широко зевает. Мы с Сиусом переглядываемся, он пожимает плечами и тихо замечает:

– Попробуйте разбудить остальных.

Я пинаю ботинком ногу второго брата и слышу громкую пощечину. Храп смолкает. А голодный рык раздается все ближе.

Я склоняюсь к Элару:

– Надо срочно отсюда бежать.

Спустя минуту я понимаю, что ничего не выйдет. Люди никак не могут проснуться: они вялые и даже не напуганные, зевают каждую секунду. Братья снова клюют носом, Туара положила голову одному из них на плечо, а Элар отряхивается, как собака от грязи, и недоумевает:

– Не пойму, какого беса происходит...

Я беззвучно ругаюсь.

– Все лезем на дерево! Быстро!

Быстро не выходит.

Пока люди копошатся, помогая друг другу, я прислушиваюсь к звукам и тихо злюсь. Мне не нравится, что приходится рисковать своей жизнью из-за кучки людей, но выбора нет. Они нужны мне живыми, чтобы получить еще один мешочек с серебром. Этого хватит на несколько месяцев путешествия в одиночестве, и мне не придется снова строить из себя проводника.

Я вижу, как в тумане у дерева исчезает последний ботинок, прячу нож обратно за пазуху и взбираюсь по широкому стволу сама.

– Ния, морок спал. Слышишь?

Я задираю голову и смотрю на Элара. Мужчина вцепился в ствол руками и уселся на ветке ниже той, где без особого труда или страха стоит Сиус. Братья сидят еще ниже, прижавшись спинами к стволу, а к груди одного из них припала Туара. Они вот-вот заснут.

Туман. Вверху он рассеивается, спадает. Но внизу как-то по-особенному действует на людей... Значит, я поступила верно, загнав их повыше. Правда, это выиграет всего пару часов, а затем дерево окружат волки. Я слышу, как их рычание множится и приближается.

Я поднимаюсь в полный рост, снимаю свои вещи с сучков и надеваю на себя. Готовлю лук и стрелы.

Первые несколько минут ничего не происходит. Туман спадает, лес мрачнеет, внизу по-прежнему ничего не видно. А затем белую завесу разрезает мохнатая черная морда с оскаленной пастью. Я реагирую без промедления, и стрела врезается в налитый кровью глаз. Волк скулит от ярости и боли, вновь скрываясь в тумане. Но следом подпрыгивает другой. И еще один. И еще...

Я решаю не тратить стрелы попусту. До нас им не достать, а начать убивать их лучше тогда, когда станет понятно, есть ли вообще в этом смысл. Пока мне неизвестно, сколько их внизу и хватит ли стрел на всех – с учетом, что этих тварей не так просто прикончить.

Сбоку от меня начинают приходить в себя братья и женщина. Они, тихо проклиная туман, вооружаются ножами. Волки прекращают прыгать, но свирепо рычат внизу – вероятно, друг на друга. Значит, с ними нет вожака, что уже неплохо.

Вскоре туман рассеивается окончательно, и я насчитываю девять густых черных теней, снующих туда-сюда под деревом.

– Ния, что будем делать? – громко шепчет сверху Элар.

– Я попробую их отпугнуть, а вы будьте готовы бежать, когда скажу.

Целюсь в одного из волков и стреляю. Тот скулит, пытается задней лапой стряхнуть стрелу, торчащую близко к горлу, а глаза остальных впииваются в меня. Звери пригибаются, яростно рычат, врезая свои когти в землю. Направляю стрелу в другого, но он тут же отпрыгивает в сторону. Видят волки лучше меня – здесь у них преимущество, но и я сдаваться не намерена.

Выпускаю несколько стрел подряд. Бока, лапы, грудь. Те, в кого я попадаю, скулят и убегают зализывать раны. Остальные злятся еще сильнее, но они далеко не глупы, понимают, что им меня не достать.

В итоге, когда я попадаю в шестого по счету волка, три его собрата, еще не получившие ранений, яростнее прежнего рыкают в мою сторону и убегают вслед за остальными.

Я убираю лук за спину и команду:

– Бежим!

Присев, хватаюсь руками за сук на ветке и, повиснув на нем, прыгаю вниз. Пятки врезаются в землю, по ногам проходит эхо тупой боли. Я распрямляюсь и снова хватаюсь за лук и стрелы. Жду. Справа рычат, и я выпускаю в том направлении стрелу. Беру следующую.

Люди подхватывают свои вещи, Элар обнажает клинок, Туара встает рядом со мной с арбалетом в руках. Ее стрела летит влево, и через секунду до нас доносится скулеж.

– На болотах вообще шуметь нельзя, ясно? – говорю я, не оборачиваясь. – А теперь за мной!

Я бросаюсь вперед, но за пару метров до болот мне наперерез выскакивает самый первый из пришедших волков. Узнаю его по отсутствующему глазу – видимо, вырвал его себе вместе с моей стрелой. Из оскаленной пасти брызжет пена животной ярости.

Снова пускаю стрелу. Она летит мимо, потому что волк кидается прочь.

Бегу дальше, ищу глазами дерево со своей меткой. Сзади раздается крик, и я оборачиваюсь. Элар бросается обратно, а я подбегаю к нему и хватаю за шкуру, останавливая.

Первый волк набросился на одного из братьев, повалив того на землю. Туара пускает в животное стрелы, пока близнец спешит на помощь брату, а Сиус куда-то исчез. Между нами с Эларом и остальными появляются еще два волка. Со спины к Туаре бегут другие.

Я рискую, но кричу женщине:

– Тропинка чернее, чем болота! Идите по ней, и ни шага в сторону! Я найду вас с другой стороны. Хватайте раненого и вправо! Сейчас!

Я пускаю стрелы друг за другом, пока Элар разбирается с одним из двух волков, а Туара с братом подхватывают другого и тащат к болотам.

– Где Сиус?! – вопит Элар, с его клинка капает кровь. – Сиус?!

– Заткнись! – шиплю я. – За мной, быстрее!

Но мы не успеваем.

Я замечаю тень, нависшую над мужчиной, а следом ощущаю, как в мое плечо вонзаются острые когти и зубы. Шиплю от жуткой боли, но нахожу в себе силы упасть именно на это плечо. Выпускаю из пальцев лук, вынимаю из-за пазухи нож и, отклонившись в сторону, вонзаю оружие в когтезуба. Плечо горит огнем. Элар рубит жутких птиц налево и направо. В меня прилетают ошметки тварей, а следом рядом возникает и сам рыжий.

– Помощь нужна? – протягивает он руку.

Посмотрев поверх его головы, я запускаю нож в нависшую над нами тень, цепляюсь за руку Элара и, поднявшись на ноги, подхватываю лук. Очень вовремя: к нам несется неугомонный одноглазый волк. Из его бока торчат стрелы от арбалета, но он наверняка не чувствует боли, потому что слишком разъярен. Я пускаю еще одну стрелу. Она свистит мимо, но вынуждает волка сбросить скорость, что дает нам с Эларом пару секунд. Хватаю рыжего за руку и мчусь к мягкой земле.

На болотах водятся другие твари, и лесные обитатели к ним не сунутся.

Я забегаю на тропинку и несусь по ней несколько метров, а затем оглядываюсь. Волк тормозит у самого ее начала, недовольно скулит и рычит. Я киваю Элару и останавливаюсь, чтобы отдышаться. Рукав моей куртки уже промок от крови. Я сосредотачиваюсь на влажности на своих пальцах и приказываю влаге заморозиться. Жгучая боль немного отступает под действием холода.

– Ты как? – шепчет Элар.

Я прикладываю к губам палец и качаю головой, мол, вообще ни звука. Тот кивает, смотрит за спину и шарахается. Я тоже замечаю, как волк нарушает границу, которую сам себе очертил. Глупое животное, ты же сейчас погибнешь!

Волк глухо рычит и пригибается к земле, неотрывно глядя на нас, затем рычит громче и срывается с места.

В ту же секунду справа от него взрывается влажная и густая земля. Упругая черная тень в форме кольца резко разворачивается в сторону волка, обхватывает его поперек и утягивает в болото. Захлебывающийся скулеж тонет в жидкой и густой грязи.

Я морщусь, убираю лук за плечо и разворачиваюсь вперед. Земля неожиданно идет волной. Я тут же присаживаюсь. Видимо, смещение. Оборачиваюсь на Элара: не удержав равновесия, он роняет клинок, который первым тонет в жиже. Ноги мужчины тоже в ней вязнут, слишком быстро и неумолимо. Через пару секунд Элара затягивает по грудь. Он цепляется за твердую землю, скребет ногтями. В глазах застыл животный страх.

– Помоги!

Если его схватила болотная тварь, то ему уже не помочь, а я не могу себе позволить умереть ради человека. Моего врага. Точно не из-за него. Моя цель – как раз покончить с ними всеми раз и навсегда. Но, если верить видениям, выбора у меня нет.

Рыжие волосы слиплись от грязи, под ногтями вместе с землей собралась кровь. Элар борется до последнего.

– Ния! – выдыхает он. – Пожалуйста...

Я досадливо рычу и бросаюсь на помощь. Видения не обманывают. Если Элар целовал чью-то руку, значит, ему суждено пожить еще немного. Значит, мы не погибнем здесь и сейчас.

Я падаю на колени, позволяя рукам Элара обхватить мою шею, а своими ныряю в густую и холодную грязь, чтобы взять его подмышки. Сосредотачиваюсь на влаге, указываю магии, что нужно делать. Но, как я и опасалась, Элара что-то держит под толщей густой жижи. Наверняка

детеныш. Будь иначе, его давно утащило бы на дно. Но я все равно не настолько сильна в магии воды, чтобы справиться даже с ним, поэтому меня тоже начинает утягивать вниз.

А затем я слышу чьи-то быстрые шаги. Смотрю в ту сторону, из которой мы пришли, и вижу бледного и напуганного Сиуса. Паренек присаживается недалеко от нас, утапливает пальцы в грязи, закрывает глаза и бесшумно шевелит обескровленными губами. Грязь поддается, и сама выталкивает Элара.

Через минуту он заваливается на меня. Я нащупываю на его поясе кинжал, вынимаю оружие из паза и, спихнув с себя мужчину, режу то, что обхватывает его ногу как змея. Оно дергается и скрывается под грязью.

Я смотрю на Элара и Сиуса. Рыжий, тяжело дыша, спрашивает одними губами:

– Снова бежим?

Я усмехаюсь и киваю.

Через несколько часов быстрого бега я полностью выдыхаюсь. Во-первых, я потеряла много крови, а в той, что осталась в организме, теперь гуляет яд когтезубов, делая меня слабее. Во-вторых, потратила много сил на магию. В-третьих, со вчерашнего вечера во рту не было и капли воды. Мне остановиться бы, обработать плечо и попить воды, но болота для этого слишком опасны. Впрочем, я могу позволить себе перейти на шаг, что и делаю.

Над головой нависают деревья, кое-где зловеще булькает густая грязь, а вдали видится просвет. Я назвала это место перевалом. Прогалина твердой земли, широкая и продолговатая. За ней снова идут болота, и дальше я не заходила. Чтобы добраться до нее, у нас уходит еще час времени, потому что ближе к этому месту твердая тропинка сильно сужается и идти нужно с особой осторожностью, но все справляются. Я отвожу Элара и Сиуса подальше от болот и, остановившись, жадно припадаю губами к горлышку бутылки с водой. После перевожу дыхание и тихо сообщаю:

– Будьте здесь, отдохните, поешьте, если есть что, а я пойду за вашими друзьями. Надеюсь, они живы.

Я разворачиваюсь, запинаясь о свою ногу и едва не падаю, но меня ловят сильные руки Элара.

В глазах темнеет.

Дрожащий огонек свечи. Открывающаяся тяжелая резная дверь. Рыжий мужчина на пороге воровато оглядывается. Женские пальцы обхватывают рукав его камзола, тянут на себя. Смех, звонкий и счастливый. Чужие жадные губы на моих.

Я моргаю.

На моих?!

– ...отдохнуть. Позволь хотя бы обработать твои раны.

Я смотрю в глаза, в которых блуждает искреннее беспокойство, перевожу взгляд на его губы, и меня передергивает от отвращения. Отшатываюсь от мужчины и киваю:

– Да, обработать рану не будет лишним. Я сама справлюсь.

Элар вздыхает, но не спорит.

Я отхожу от этих двоих подальше, снимаю сумку и куртку и сажусь на землю. Слышу, как они шепчутся.

– ...испугался, Элар. Мне так жаль.

– Перестань, парень. Ты все сделал правильно. Думаю, мы можем ей доверять.

– Но это значит, что я мог помочь раньше...

– С братьями и Туарой все в порядке, я уверен. Не казни себя.

– А если нет? Если они... С ними не было Нии, не было меня... А эти твари...

– Чему быть, того не миновать. Мы все знали, на что шли.

Я хмыкаю и откупориваю бутылку с лечебным порошком, сыплю его на промытые водой ранки, и жжение мгновенно исчезает. Выдыхаю с облегчением.

– Вот.

Перед моими глазами появляется небольшой рулон белой ткани, а следом и улыбающееся лицо Элара, который присаживается рядом со мной на колени.

– Позволь отплатить тебе добром на добро.

Сколько ему лет? Тридцать? Больше? Или меньше? Во взгляде и словах есть мудрость, но не усталость. Наверняка он еще молод. Да и красив к тому же, если не брать в расчет то, что он человек.

Я отворачиваюсь, кивнув, и подставляю Элору плечо. Сама буду возиться слишком долго.

– Ния, ты правда считаешь, что они могут быть живы? – тихо спрашивает мужчина, приступая к перевязке. – Или просто не хочешь лишать нас надежды?

– Мы живы, – пожимаю я здоровым плечом.

– Благодаря тебе.

– Благодаря Сиусу. Он не человек, и вы это знаете.

– Человек. И не человек тоже. Но какая разница, какая в нас течет кровь, если все мы просто хотим жить, верно?

– Маги крови с тобой поспорили бы, – усмехаюсь я, поднимаясь на ноги. Наспех одевшись, я уйду, оставляя людей.

Тропинку, по которой предположительно должны были идти братья и женщина, я нахожу не скоро. Задаюсь вопросом, зачем снова рискую ради людей, но упрямо ступаю на узкий участок земли. Я им обещала. Обещала, что найду их с другой стороны.

В конце концов, я не маг крови, который не знает ни сочувствия, ни жалости к врагу. Я – эльф. А эльфы не дают обещаний, которых потом не выполняют.

Спустя пару часов я выхожу на людей.

В глаза бросается несчастный взгляд Туары, который наполняется усталой радостью при виде меня. Он смущает. Женщина хочет что-то сказать, но я прикладываю указательный палец к губам и иду ближе, чтобы осмотреть их. Они выглядят вымотанными до предела, их одежда в грязи и крови, а раненый лежит без сознания. Его голова покоится на коленях Туары, а у ног сидит брат. Похоже, они не один час тащили его на себе. Даже удивительно, что выжили.

Я безмолвно прошу Туару уступить мне место. Лицо мужчины бледное, рукав куртки разорван в клочья, через тряпье проглядывает безобразная рана, на которой запеклась кровь, перемешанная с грязью. Он много ее потерял, но кто-то додумался перевязать плечо жгутом. Жаль, это не спасет от заражения. Ему бы к врачам.

Я вздыхаю, осторожно открываю бутылку с водой и лью на рану, а затем высыпаю на нее последний порошок из склянки. Придется задержаться в городе на пару дней, чтобы приготовить еще. Ну а сейчас пора в путь.

Собираюсь разбудить пострадавшего, но земля идет волной. Хватаю мужчину за куртку, показывая его брату делать то же самое – схватить за ноги, оборачиваюсь и свободной рукой даю понять Туаре, чтобы она присела. На лицах снова страх. Раненый стонет, и я тут же закрываю его рот ладонью. Справа, совсем близко, зловеще булькает грязь. Я напрягаюсь. Мужчина медленно открывает глаза, взгляд затуманен. Дыхание учащается. Ему больно и страшно.

Земля замирает. Грязь булькает чуть дальше.

Мужчина начинает мычать. Я подмечаю грязный клинок на его поясе. Убираю руку со рта, и он снова стонет. Сбоку взрывается грязь, люди охают. Чернильное кольцо разворачивается, змеей устремляясь к лежащему, опоясывает его поперек тела и приподнимает над землей.

Я подскакиваю на ноги и со всей силы рублю острым клинком по мясистой твари. Обрубок дергается и скрывается в болоте, а то, что от него осталось, бездвижно падает.

– Быстрее, – шиплю я, стирая с лица вонючую слизь.

Склоняюсь над раненым и вместе с его братом помогаю подняться. А затем мы бежим. Настолько быстро, насколько можем, и настолько тихо, насколько способны. Веорс или Леорс

постепенно приходит в себя, шаг становится тверже – очень вовремя, потому что тропинка начинает сужаться. Я оставляю его на брата и цепко слежу за обстановкой: за бульканьем, которое тревожит болото то позади нас, то впереди. Хочется поскорее отсюда убраться.

Когда до прогалины остается пара метров, нам приходится разделиться. Брат отпускает брата, подталкивает его к рукам Туары, но мужчина все равно оступается, падает на колено и громко выдыхает. Грязь справа взрывается. Здоровый мужчина бросается к брату, дергает его за шиворот вверх, и я толкаю их обоих вперед.

На талии туго стягивается кольцо и лишает меня дыхания.

– Ния!

Мир переворачивается: сначала меня подбрасывает к ветвистому небу, затем перекручивает лицом к болотной грязи, которая приближается с каждой секундой.

Ну уж нет!

Ловлю пальцами воздух, задерживая себя в нем, а другой рукой вонзаю клинок в плоть твари. Из раны брызжет слизь, ноздри наполняет вонь. Я напрягаюсь и тащу клинок выше, разрезаю толстую змею поперек. Тварь дрожит, и хватка слабеет. Пользуясь моментом, я порывом ветра выталкиваю себя из кольца. Переворачиваюсь в воздухе и приземляюсь на одно колено на узкой полоске земли. Поднявшись, бегу к прогалине, где ждут остальные.

– Бегите! – шиплю им.

Люди берут себя в руки и срываются с места, а я досадливо морщусь оттого, что пришлось использовать магию воздуха так очевидно. Хотя для них подобное не в новинку, раз с ними Сиус, который до сих пор жив. И мне очень интересно, почему полуэльф отправился куда-то с людьми.

Вскоре мы переходим на шаг и добираемся до лагеря. Элар бросается обнимать своих друзей, Сиус едва не плачет от облегчения, а я просто падаю на землю и раскидываю руки в стороны. Ноги гудят от ходьбы, в теле неприятная слабость, в висках пульсирует тупая боль. А впереди снова болота.

Рядом садится Элар и смотрит на меня с благодарностью. Я отворачиваюсь и замечаю:

– Это еще не конец.

– Знаю. Просто прими мою благодарность, Ния.

– Я предпочту принять серебро, когда мы выберемся.

– Ладно, пусть дело будет в хорошей оплате, раз тебе так хочется, – усмехается он и уходит.

Хочется.

Спустя время, пока люди увлечены едой, я иду вперед, ближе к болотам, и закручиваю вихрем ветерок. Выдыхаю с облегчением: переход на пару часов, а дальше снова твердая земля с растущими близко друг к другу деревьями и кустами. Ночевать будем там, но не на земле. И место нужно выбрать такое, куда не сунутся когтезубы. Люди и туман, который на них плохо действует, ужасно усложняют задачу. Но я уверена, что мы все выберемся из Топей если не невредимыми, то точно живыми.

Так и выходит: мрачный лес заканчивается совсем неожиданно.

Мы ночуем на деревьях, и как только туман оседает, отправляемся в путь. Не проходит и часа, как мы выныриваем на свет раннего солнца из пучины тьмы, как из воды. Все облегченно выдыхают, щурясь от резкого света, кто-то из братьев падает в зеленую траву. Элар обнимает Сиуса, и оба громко хохочут. Я привыкаю к солнцу и смотрю вдаль со склона, на котором мы находимся. Там, в низине, среди холмов, раскинулся блестящий и огромный город.

Ваалис.

Ещё одна достигнутая точка на пути к моей цели.

Глава 2

Ваалис когда-то был маленькой южной столицей земель эльфов. Благоухающие сады, высокие замки из стекла и металла, ухоженные парки и Озеро Грез. Я читала в записях мамы о том, что вода в нем была кристально чистой, а населяющие его рыбы сверкали своими изумрудными боками и могли исполнять желания.

А затем пришли люди.

Разумеется, Ваалис сдался не сразу, сражение длилось около года, но в конце концов магии крови вытеснили эльфов, оставив от города руины. Их они и назвали Бриосом, что бы это ни означало. И меня очень удивляет, что город до сих пор блестит, отражая солнце в стеклянных постройках. Мне казалось, что все завоеванные у эльфов города люди окружают высокими стенами из серого неотесанного камня, и из него же строят свои угрюмые дома. Но Бриос, похоже, сохранил в себе былое ощущение свободы и дыхания Ваалиса.

Я отвожу взгляд от далекого города в низине и смотрю на Сиуса, который отделился от остальных. Еще на рассвете, спустя несколько минут после того, как мы вышли из мрачного леса, этот паренек сделал что-то с кровью раненого и помог ему. Теперь мужчина выглядит куда здоровее, чем несколько часов назад.

Я прибавляю шаг и равняюсь с парнем.

– Ты полукровка, – говорю я тихо, чтобы не привлекать внимание остальных. – Скажи свое настоящее имя.

Сиус заметно бледнеет, бросает испуганный взгляд на спину Элара и сглатывает:

– Элар сказал, что мы можем тебе доверять. Это правда?

– Правда.

– Родители дали мне имя Сиариин, – его голос дрожит.

– Поколение?

Сиариин озадаченно хмурится, но отвечает – шепотом, словно боится, что его услышат:

– Я эльф в третьем поколении. Дедушка был чистокровным.

– И твоя стихия – вода.

Паренек кивает, я тоже.

Полукровки в третьем поколении могут овладевать лишь одной стихией, в самых редких случаях – двумя. У четвертого и последующих нет и шанса на то, чтобы пользоваться магией. Все дело в мерзкой человеческой крови, которая, к сожалению, течет и в моих жилах.

– Почему... ты спросила, Ния? Ты изучаешь эльфов? Зачем?

Я усмехаюсь, и задаю очередной вопрос:

– Где твоя семья, Сиариин?

Он отводит взгляд и снова сглатывает:

– Все мертвы, конечно же.

– Их убили люди. Но ты путешествуешь с ними, помогаешь им. Почему?

– Далеко не все люди – это зло, Ния. Среди них есть и хорошие.

– Неужели?

– Ты сама, разве нет? – смотрит он на меня. – Элар не стал бы доверять плохому человеку. Ты же... Ты же не собираешься рассказать обо мне стражникам Бриоса?

Я хмыкаю. А парень-то не блещет умом. Не понял, что я вовсе не человек.

– Зачем Элар и остальные ведут тебя в этот город?

– Там...

– О чем беседуете? – прерывает нас Элар и притормаживает, чтобы пойти с другого бока от меня. – Я могу к вам присоединиться?

Осматриваю мужчину задумчивым взглядом и говорю:

– Обсуждали погоду. Уже закончили.

Я вырываюсь вперед, опережая братьев и женщину, и готовлюсь к тому, чтобы найти хорошее место для ночлега. Еще одна ночь, и мое знакомство с этими непонятными людьми закончится. Главное, не забыть взять с них обещанную плату.

На ночь мы останавливаемся глубоко в лесу, подальше от дорожного тракта, который ведет в город. Люди разжигают огонь, разделяют подстреленного Туарой по дороге зайца и жарят его на костре. Я в это время наслаждаюсь вкусом пианы, с удобством разместившись на ветке дерева недалеко от людей. Братья и Элар, перебивая друг друга, рассказывают Сиариину какую-то человеческую байку. Тот смеется. Я стараюсь не прислушиваться. Неприятности приходят с той стороны, с которой люди не ждут: из леса.

Я первой замечаю небольшой отряд убийц и тут же подхватываю лук и стрелы. Внутри все закипает от животного страха и ненависти.

– Спокойно, – тихо, но твердо произносит Элар и поднимается на ноги. – Братья, прикройте Сиуса. Парень, тебе нечего бояться, води себя как обычно. Разговаривать с ним буду я.

Я бросаю быстрый взгляд на Элара и замечаю, как мужчина преображается. Плечи распрямляются, в позе появляется некое величие, а лицо каменеет. Во взгляде сквозит превосходство, и оно явно неприобретенное. С пониманием, что тебе должны подчиняться, только рождаются. Похоже, Элар не так прост, как хочет казаться.

Я оставляю эту мысль на потом и высматриваю тень, что должна быть темнее прочих. Смерть всегда ходит в черном – цвет мрака, того, чего мы боимся больше всего. Воплощение безжалостности и жестокости. Жаль, я еще не готова встретиться с желанным противником лицом к лицу, чтобы сразиться в достойном поединке.

Через пару секунд я нахожу статную фигуру мага крови, и в моих глазах темнеет.

Долина Эльвос. Яркое солнце – раннее утро. Арка из прильнувших друг к другу веток деревьев, листья которых дрожат на ветру. Еще один шаг. Изумрудный взрыв прямо в воздухе. Шар света увеличивается, растет на глазах и превращается в радужный тоннель. Лабиринт Силы. Я должна в него войти. И я знаю, чувствую, что это желание одолевает не меня одну.

Я моргаю и заставляю себя не думать о видении. Точно не сейчас.

Маг крови верхом на вороном коне уже равняется с Эларом, останавливаясь напротив, в нескольких метрах от него. Конь фыркает, бьет копытом землю с примятой травой, вырывая земляной ком.

У меня зудят кончики пальцев, которыми я удерживаю древко стрелы. В висках пульсирует гнев. Нутро выжигает до пепла желание напасть первой, разжать пальцы. Это может быть он. Тот, кто убил мою мать. Но я сдерживаюсь, оставаясь тихой и незаметной.

– Вот так встреча, – холодно усмехается Элар. – Не знал, что вблизи Бриоса есть места, требующие зачистки.

– Элар, – без тени улыбки произносят ему в ответ. – Ты прав, я направляюсь в Бриос не для этого.

– Как интересно. У гончей церкви есть другие обязанности? Не просветишь, в чем они заключаются?

– Меня сюда направила не церковь.

– Король?

– И не король.

– Неужели ты преследуешь личные цели, Тайлос? У таких, как ты, они бывают?

– Довольно насмешек, Элар. Мне тоже интересно, по какой причине ты забрался так далеко от дома, но я не спрашиваю. Однако мне нужно знать, кто с тобой.

– Ты всех их знаешь, Тайлос.

Маг крови усмехается, смотрит сначала на Сиуса, которого зажали между собой братья, а затем прямо на меня:

– Двоих не знаю.

Он отводит взгляд, а у меня по коже расползаются мурашки. Если глаза – это зеркало души, то у этого Тайлоса ее нет. Да и не должно быть. Душа для мага крови – как расплата за возможность сеять вокруг себя смерть.

Элар тоже смотрит сначала на Сиуса, а затем в мою сторону:

– О, прости мне мое невежество, дорогой Тайлос. Сиус с нами так давно, я и не подумал, что ты можешь его не знать. Он член моего личного отряда.

Я оставляю лук и стрелы на дереве и спрыгиваю с него. Раз мое укрытие раскрыли, то смысла прятаться больше нет – это лишь вызовет ненужные подозрения.

– А эту девушку зовут Ния. Она провела нас через Топи.

Темный взгляд вновь обращается ко мне, изучает мое лицо. Я смело смотрю в ответ, но из-за черного платка мне видны лишь глаза, в отражении которых пляшет пламя костра.

– Проводник, – говорит маг в итоге, отворачиваясь.

– Твоей смекалке можно только позавидовать, – усмехается Элар.

Не многие люди могут себе позволить разговаривать в таком тоне с магом крови, еще меньше из них знакомы с ними лично. Кто же ты такой, Элар?

– Что ж, я рад, что ты и твой отряд выжили. Очевидно, вы очень торопились, раз решили идти через это место. Или же дело в умелом проводнике? Насколько хорошо ты знаешь эльфийские земли, проводница?

Я внутренне содрогаюсь из-за того, что убийца обратился лично ко мне, но отвечаю сухо:

– Достаточно.

Мужчина кивает, прищипривает пятками круп кобылы и говорит напоследок:

– До встречи в городе, Элар.

За ним уходят и четыре его пса.

– Мне и этой хватило, так что спасибо, обойдусь, – ворчит вслед мужчина.

Я провожаю взглядом мага крови до того момента, как его фигуру полностью не поглощает чернота ночи, и смотрю на рыжего человека. Он смотрит в ответ и подмигивает, а затем хлопает ладонью по плечу Сиариина и весело интересуется:

– Испугался, парень? Ничего, с нами тебе нечего бояться, я уже говорил.

Люди еще долго что-то горячо обсуждают после ухода убийц. Я не слушаю. Ни к чему мне их проблемы, когда своих хватает. То, что маг крови будет в городе, когда там буду и я, – плохо, поэтому нужно придумать, как сделать все свои дела и не привлечь его внимание. Успокаивает то, что Ваалис не слишком маленький город для нас двоих. Я надеюсь.

Мы выходим к тракту еще до рассвета и прощаемся у ворот города спустя несколько часов.

– Твоя плата, Ния, – вручает мне Элар еще один мешочек с серебром. Но руку мою не отпускает, сжимая на ней свои пальцы, и заглядывает в глаза: – Ты хороший проводник. Лучший из тех, что я встречал на своем пути.

– Может, их было не слишком много? – усмехаюсь я, высвобождаю руку и прячу серебро в сумку.

– Может, и так, – тепло улыбается мужчина. – Куда отправишься дальше?

Я жму плечами и вру:

– Куда направится тот, кто будет мне платить.

Элар кивает, смотрит в сторону своего отряда, а затем на каменную стену у ворот. Говорит, проявляя незаурядную проницательность:

– Вижу, что у тебя свой путь, Ния, и он очень важен для тебя. Поэтому я не буду уговаривать присоединиться к нам, но... – Элар смотрит мне в глаза и продолжает: – Знай, что отныне в этом городе у тебя есть друзья. Знай, что, когда добьешься своей цели, ты можешь вернуться сюда, чтобы вновь нам помочь. Знай, что мы с тобой отличаемся друг от друга не так сильно, как ты этого хочешь. Договорились?

Я склоняю голову набок и вглядываюсь в лицо Элара: густая борода отливает медью на солнце, а теплые карие глаза похожи на мед. В них горит искренность.

– Я подумаю, – произношу в итоге.

Элар смеется и снова кивает:

– Это даже больше, чем я надеялся услышать. Итак, добро пожаловать в Бриос.

Мы входим в едва проснувшийся город, двигаясь по главной улице, и вскоре я незаметно отделяюсь от группы и иду уже своей дорогой. Задачу я выполнила: проводила людей до города через Топи. Теперь у каждого из нас свой путь.

У меня уходит примерно час на поиски подходящего трактира: не на самой окраине, но и не в центре. Зал с деревянными столами и стульями не слишком чистый, но уютный. И уж точно не сравнится с «Грязным Кирком», что уже великолепно.

Я подхожу к стойке, за которой, сидя на стуле, дремлет хозяин трактира, и со звоном бросаю на нее мешочек с серебром. Тучный человек тут же открывает глаза.

– Чем могу служить, милая девушка? – подскакивает он со стула, не отрывая жадного взгляда от бархатного мешочка. – Приказывайте, исполню в то же мгновение!

Я усмехаюсь и выкладываю на стойку два серебряника:

– Мне нужна комната с ванной горячей воды, завтрак и одежда. Такая, в которой в вашем городе ходит прислуга. А еще я буду благодарна за отсутствие вопросов и ваше молчание. Договорились?

– Разумеется, милая девушка! – его пухлые пальцы дрожат, когда мужчина гребет монетки ближе к себе. – Разумеется!

Через десять минут грузный мужчина оставляет меня в просторной комнате с кроватью, столом и шкафом, пообещав, что горячая ванна будет готова через полчаса, а завтрак еще раньше. Я закрываю плотные шторы на окне, сажусь за стол и расправляю на нем карту.

Ваалис на ней едва заметно подсвечивается, указывая мое местоположение, от него прямо на моих глазах проявляется прерывистая линия, протянувшаяся к месту под названием

«Парящие скалы». Я задумчиво постукиваю пальцем по чернильному рисунку остроконечных гор и отклоняюсь на спинку стула.

Драконы? Серьезно, мам? Неужели это так обязательно?

Понятно, что к сегодняшнему дню численность драконов сократилась до минимума, но именно из-за этого те, которые выжили, особенно кровожадны. Они заняли Парящие скалы и не терпят в своих краях чужаков. Любых. Даже чистокровных эльфов, не говоря уж о полукровках.

Почему ты хочешь, чтобы я шла именно там? Не для того же, чтобы меня слопал один из драконов, правда?

В дверь стучат, я тут же складываю карту и прячу ее в сумку.

На пороге появляется милая человечка со стопкой вещей в руках. Она проходит к кровати и оставляет их на покрывале, а затем тихо говорит:

– Отец сказал, что вы такая же тощая, как я, и приказал отдать вам часть своей рабочей одежды. Надеюсь, она вам подойдет, – девушка бросает на меня быстрый и любопытный взгляд из-под густых темных ресниц и добавляет, прежде чем уйти: – Совсем скоро я вернусь с завтраком.

Я хмыкаю и иду к кровати, чтобы посмотреть вещи. Нужно к ним примериться, потому что изучать город лучше в роли его жителя, а не чужака.

Когда дочь трактирщика возвращается с завтраком, я прошу ее составить мне компанию и осторожно выпрашиваю о жизни города. Я ей интересна, потому что девушка с легкостью выкладывает все, что знает, взамен чего-нибудь о моей жизни. Я ее не разочаровываю: рассказываю страшную историю, как на днях вела людей через Топи. А когда приносят горячую воду для ванны, прощаюсь с Хийей и с удовольствием смываю с себя всю грязь.

Итак, задача на сегодня – разыскать теневой рынок эльфов. Речь о торговцах-полукровках, разумеется. Как ни крути, а многим выжившим при нападении на их деревню или рожденным среди людей приходится тайно жить в завоеванных городах. Крупные и мелкие эльфийские поселения почти стерты с лица земли. Чистокровные эльфы терпят поражение, потому что скрываются в своей столице, местонахождение которой покрыто завесой тайны. Никто не знает, где она находится. Полукровкам не остается ничего, кроме как селиться в деревнях, где однажды обязательно объявится маг крови, или же скрываться у людей под носом. Потому что теневые рынки в человеческих городах не тайна для самих полукровок. И мне как раз нужны некоторые травы для целебного порошка, которые умеют выращивать лишь те, кто как-то связан с эльфами. А остальные ингредиенты я смогу раздобыть и на обычном людском рынке, куда и отправляюсь первым делом, нарядившись в платье работницы трактира. Острые уши прячу под распущенными волосами, а сверху подвязываю тряпичной лентой, заранее выяснив у Хийи, что подобный вид ни у кого не вызовет подозрений. Весь день у меня уходит на изучение города и посещение обычного рынка, и только на следующий я иду к дому того, кто точно знает расположение теневого.

Я приметил этого мужичка почти сразу: когда пара стражников отоваривалась бочонками с пивом по соседству с его лавкой, тот непроизвольно натянул соломенную шляпу чуть ли не на нос. И делал так каждый раз, когда на горизонте появлялся кто-нибудь из стражи. Вчера я проследила за ним до самого дома, а сегодня собираюсь поговорить. Но прежде не мешает убедиться в собственной правоте. Я замираю в переулке недалеко от дома полуэльфа, дожидаясь, когда он выйдет из дверей, чтобы пойти торговать на людском рынке и, убедившись, что на нас двоих никто не смотрит, цепляю пальцами воздух, едва заметно двигая ими. Соломенная шляпа подлетает вверх с головы полукровки, а вместе с ней – и русые кудри, демонстрируя острые кончики ушей.

Мужчина опасливо озирается по сторонам, приглаживая волосы над ушами, а я подхватываю шляпу и через пару минут водружаю ему на голову. Пока он во все глаза таращится на меня, я мило улыбаюсь и спрашиваю:

– Расскажешь, как попасть на рынок эльфов?

Мужчина бледнеет от страха, и у меня уходит пять минут, чтобы убедить его в своей надежности. И это при том, что я показываю ему уши – так сильно он напуган.

– Рынок не работает, – говорит он наконец страшным шепотом. – Пока в городе маг крови, эльфы не рискнут торговать.

Вот же проклятый маг! И надо было ему заявиться в город в то же время, что и мне! Ладно.

– Знаешь того, кто выращивает живиандр? Или мелику? Можешь направить меня к нему?

Итак, с теневым рынком не срослось, но полуэльфийка, на которую указал Виониис, с радушием напоила меня чаем и за один серебряник продала столько трав, сколько требовалось. Напоследок милая старушка таинственно поинтересовалась, состою ли я в некоем сопротивлении. Я в ответ неопределенно качнула головой, на что она с улыбкой заявила мне, что не все люди – зло, чем, разумеется, напомнила Сиариина. И, кажется, я начинала понимать: что-то происходит в рядах людей и, как ни странно, полукровок. Что-то затевается. И я обязательно разберусь в этом вопросе, как только достигну своей цели: обрету силу, чтобы покончить с магами крови.

Вернувшись в комнату в трактире, я замешиваю будущее снадобье в плошке и прячу под кровать – настаиваться. Целебному порошку нужны ровно сутки. А значит, я могу наведаться на Озеро Грез. Знаю, что глупо загадывать подобные желания, но не могу ничего с собой поделать. Я скучаю по ней. Очень. Мне до хруста костей не хватает ее теплых рук, ласковой улыбки, а и иногда строгих взглядов.

Озеро Грез великолепно.

Когда я до него добираюсь, солнце приближается к горизонту, придавая пейзажу загадочный теплый оттенок. Люди понаставили кованых лавок недалеко от воды, понастроили на ней деревянных настилов на толстых столбах и запустили рассекать ее свои маленькие лодочки. Но красоту этого места невозможно ничем испортить.

Я оставляю без внимания лавки и иду напрямик к воде по короткой траве. Опускаюсь на колени и разглядываю сквозь кристальную гладь дна, усыпанное разноцветными камешками.

Записи мамы, которые я читала в детстве, не обманули. Все так, как там сказано. Не считая людей, разумеется. Я даже замечаю одну смелую рыбку, которая подмигивает мне изумрудным боком и тут же скрывается в глубине, а затем протягиваю руку и касаюсь пальцами прохладной воды.

Она жива, умоляю...

Разумеется, озеро не в силах ее воскресить. Но так хочется в это верить!

Глупо и бессмысленно!

Я резко поднимаюсь, отворачиваюсь от озера и сдерживаю злые слезы. Как она могла? Почему позволила себя убить? Она же прекрасно знала, насколько гнилые души у магов крови! Знала, что они выигрывают эту бесконечную войну лишь при помощи своей подлости! Неужели она не хотела жить?!

Я сглатываю горький ком и наконец замечаю двух прихвостней мага крови, которые явно пришли сюда по мою душу. Разворачиваюсь в сторону и быстро иду вдоль берега.

Как? Где я ошиблась? Я была очень внимательна, следила за теми, кто мне встречался по дороге. Я не могла его пропустить! Окна... Он увидел меня в окне? Узнал? И, разумеется, озадачился тем, что проводница разгуливает по городу в платье трактирщицы. То есть что-то скрывает. И ему обязательно нужно выяснить, что именно. Проклятие! Ладно, убежать я хорошо умею.

Заметив просвет в деревьях, я бросаюсь туда. Позади раздаются скорые тяжелые шаги – псы тоже умеют бегать. Но я легче и шустрее.

Улица впереди – одна из главных, она ведет до самых ворот, но не к той части города, где трактир. Значит, бежим по ней. Дальше поворот налево. Люди шарахаются от меня в разные стороны. Если они поймут, от кого я убегаю, мне несдобровать. Мигом сцапают и вручат «великолепной» страже мага крови, лишь бы угодить власть имущим.

О да, магов крови боятся так же сильно, как и ненавидят. Но зовут это уважением. Труссы. Подождите, закончится война с эльфами, и всеми любимая церковь, власть в которой принадлежит обычным людям, и сама корона станут уничтожать магов крови. Люди не терпят того, что сильнее их и представляет угрозу. Но сначала ими займусь я. Глядишь, людишкам и не придется марать свои руки.

Я бросаюсь в узкий переулок, подмечаю у близко стоящих друг к другу домов ящики с фруктами и запрыгиваю на один из них. Подхватываю пальцами воздух и помогаю себе ловко взобраться на крышу. Распластавшись на краю, замираю.

Из-за угла появляются гончие псы. Осматриваются по сторонам. Один из них подмечает те же ящики, что и я. Времени на раздумья нет. Скребу ногтями засохшую грязь с черепицы, сосредотачиваюсь на ощущении земли на пальцах и дергаю ее в другом конце переулочка. Статный мужчина заваливается на женщину, которую вел под ручку, и та испуганно визжит. Псы, как я и рассчитывала, думают, что людей толкнула я, пробегая мимо, и бросаются к ним.

Немного отдышавшись, я быстро слезаю с крыши и иду в противоположную сторону. На всякий случай добираюсь до главной площади и пару часов провожу там, гуляя по людскому рынку. Докупаю то, что может понадобиться, ем пирожки с картошкой, что продает пухлая старушка, а затем отправляюсь в трактир. Опасность миновала, но я не спешу расслабляться.

Правда, вся моя сосредоточенность, смекалка и ловкость – ничто по сравнению с человеческой подлостью.

Я захожу в трактир и первым делом вижу перевязанные черной тканью кисти, покоящиеся на столешнице. В зале ни души, а ведь сейчас время ужина. Лишь он. Маг крови.

Мужчина в черном осматривает меня цепким взглядом с ног до головы, хмыкает и ведет подбородком в сторону стула напротив. Сейчас на нем нет ни капюшона, ни платка. Он молод, немногим старше меня. Но в темных глазах затаилась словно вековая усталость, а жгуче-черные волосы у висков серебрят седины, будто иней землю. Видимо, бесконечные убийства заставляют взрослеть раньше времени.

Я принимаю приглашение присесть и по дороге к деревянному столу осматриваюсь. Лестница, задний ход, ход на кухню, а теперь и главный вход – под присмотром псов. Появились там, как только я сделала первый шаг, словно ниоткуда. Не сбежать, если я решу так сильно рискнуть. Впрочем, парочка уловок у меня имеется, вот только уйти без своих вещей я не могу.

– Ты заставила меня ждать, проводница, – произносит маг, как только я занимаю стул. – Почему сбежала от моих людей? А еще интереснее, почему на проводнице платье работницы трактира. Расскажешь?

Я сильно ошибалась, решив, что маг крови случайно заметил меня на улице. Нет, он искал целенаправленно. Зачем? И как теперь выкрутиться? Ладно. Будем играть роль бесстрашной проводницы, которая не любит зависеть от чего-то или кого-то.

Я жму плечами и смело смотрю на него:

– Вы же не удивитесь, если я скажу, что не все люди мечтают иметь дело с магом крови? А что касается моего наряда... Я свободный человек, и мои дела не касаются ни короны, ни церкви.

Уголки его губ едва заметно дергаются:

– Независимая и дерзкая... Занятно.

– Как и то, зачем вы меня искали. Расскажите?

Мужчине явно не нравится, что я, в отличие от других, не только не падаю перед ним ниц, но еще и огрызаюсь. Он молчаливо всматривается в меня, а затем отворачивается и говорит:

– Мне нужно попасть в одно место. Я рассчитывал найти толкового проводника в Бриосе, но ни один из тех, с кем успел встретиться, не заходил так далеко на юг. И я вспомнил, что накануне повстречал, очевидно, весьма смышленную проводницу.

Да, печальное недоразумение. Очень.

Значит, магу крови требуется проводник, чтобы найти очередную деревню с полуэльфами и уничтожить их всех? Нет, такое точно без меня.

– Куда вы хотите попасть?

– Долина Эльвос, – в меня впивается темный взгляд. – Слышала о такой?

Он шутит?

Я делаю вид, что задумываюсь, а затем твердо отвечаю:

– Понятия не имею, что это за место. Я тоже не заходила так далеко на юг.

В глазах напротив появляется лютый холод, голос тоже ледяной – и все вместе это вызывает мурашки по коже:

– Лгать мне не лучшее решение, проводница. Но я дам тебе еще один шанс. Итак, ты знаешь, как пройти к долине Эльвос?

Видимо, я не смогла вовремя скрыть удивления. Проклятие. Но зачем ему в долину? Не может же он знать о Лабиринте Силы, верно? И тут я вспоминаю карту и чернильный рисунок: Парящие скалы.

Карта знала о маге крови? Мама знала о нем? Потому и хочет, чтобы я шла через драконов – и те помогут избавиться от нежелательного попутчика? Это в корне меняет дело.

Я для вида поджимаю губы и отворачиваюсь:

– Поход к долине не вписывается в мои личные планы.

– Уверен, это легко исправит золото, – уже не так холодно замечает мужчина.

– Сколько? – продолжаю притворяться. – Вы должны понимать, что я очень сильно не хочу менять свои планы.

Маг усмехается:

– Мне нравится, что ты, рискуя жизнью, вздумала торговаться с магом крови. Это многое о тебе говорит. Золота будет достаточно, проводница, беспокоиться не о чем.

– Ния. Зовите меня Ния, раз теперь вы тот, кто мне платит.

– Хорошо, Ния, – маг на мгновение скрывает одну из своих перевязанных рук в складках плаща и выкладывает передо мной один золотой. – Тебе понадобится выносливый конь. Советую подойти к выбору с умом и не скупиться. Даю время до завтрашнего обеда, а затем отправимся в путь.

Мужчина поднимается из-за стола и направляется к выходу.

– Как вы узнали, где меня найти? – не могу сдержать любопытства.

Маг не замедляет шаг и не оборачивается:

– Ты расплатилась с трактирщиком королевским серебром.

Королевским? Разве серебро серебру рознь?

Я лезу в сумку и вынимаю одну монету из мешочка, которым со мной расплатился Элар, глядя в ее блеск. Позади хлопает входная дверь. Я наконец вижу на монетке едва заметный оттиск короны.

Кто же ты все-таки такой, Элар? И откуда у тебя королевское серебро?

Из прохода на кухню выглядывает лоснящаяся морда трактирщика, он боязливо оглядывает зал и облегченно выдыхает, появляясь в проходе всей своей тушей и сердито причитая:

– Проклятый маг, распугал весь народ. Но какое ему дело до того, что я живу за счет голодных людей? Еду теперь на помойку выбрасывать, что ли?

Я поднимаюсь на ноги и бросаю:

– Главное, сам все не съешь и дочь в кои-то веки накорми нормально.

Я успеваю поймать смущенную улыбку Хийи, которая выходит в зал вслед за отцом, и направляюсь к лестнице. У меня есть одна ночь для того, чтобы как следует все обдумать.

Потру после завтрака я отправляюсь в самую большую конюшню города и несколько часов выбираю лошадь, потому что мне нужна та, которая точно протянет одна на воле, когда придется ее оставить. Парящие скалы, увы, место не для конных прогулок. Сложность в том, чтобы маг крови не догадался об этом раньше времени. Так что я ищу крепкую на вид лошадь, не сильно строптивую, но и не слишком ручную.

– Мы ее изловили где-то полгода назад, – рассказывает конюх о белоснежной кобыле, привлечшей мое внимание. – Молодая и прыткая. К седлу вроде бы привыкла, но нет-нет, да и скинет наездника. Может, поглядите самцов? Есть у меня...

– Нет. Я возьму эту.

Я с особым удовольствием избавляюсь от золотой монеты, и у конюха от этого лезут глаза на лоб. Но нужно заметить, что у него помимо жадности есть еще и совесть. И те полчаса, что его помощники готовят кобылу, мужчина пытается отговорить меня от ее покупки, предлагая другие варианты. Впрочем, он попусту сотрясает воздух, потому что мое решение окончательное. Уверена, мы подружимся со Снежинкой.

В таверну я возвращаюсь как раз к обеду. Пешком. Лошади – создания далеко не глупые, как о них думают люди, поэтому мне нужно было показать своей новой приятельнице, что я не собираюсь ей пользоваться, как люди, что мы с ней просто-напросто заключим соглашение: она поможет мне, а потом я помогу ей.

За обедом происходит странное – ко мне за стол присаживается щуплый мальчишка лет пятнадцати и с блеском в глазах интересуется:

– Это правда, что тебя как проводницу нанял сам маг крови?

Я бросаю взгляд в сторону хозяев таверны и по тому, как Хийя смущенно отводит глаза, понимаю, что интерес мальчишки – ее заслуга.

– Правда.

– И куда вы направляетесь?

– Не твоего ума дело, – усмехаюсь я.

Мальчишка сужает глаза, а затем клянчит:

– Что тебе, жалко сказать? В какую хоть сторону? Север или юг?

– Зачем тебе это знать?

– Это же маг крови! Интересно, какие еще земли он собирается завоевать для нас!

Я вглядываюсь в его воодушевленное лицо и замечаю волнение в глазах. Не восторженное, а скорее опасливое. И ему действительно важно знать, в какую сторону направляется маг, но явно не по той причине, что он озвучил. Впрочем, не мне хранить тайны мага крови.

– Мы идем на юг.

– По главному тракту? Насколько далеко?

– До ближайшей деревни точно.

Мальчишка вновь открывает рот, но так и замирает, словно рыба, глядя мне за спину. Народ суетливо поднимается из-за столов и спешит покинуть зал. Я лениво смотрю за плечо и

вижу одного из псов мага. Он кивает мне на выход, мол, пора. Когда я поворачиваюсь обратно к столу – мальчишки уже и след простыл.

Во дворе ни души. Я хмыкаю и, не обращая внимания на мага и его псов, сидящих верхом на лошадях, иду к Снежинке. Загрузив в седельную сумку вещи, глажу кобылу ладонью по крупу и запрыгиваю в седло. Снежинка недовольно фыркает.

И тут из таверны выбегает Хийя.

– Ния! Я собрала... собрала вам в дорогу еды. Если господин не возражает.

Мужчина в черном окидывает ее безразличным взглядом и поднимает на лицо платок, который болтался тряпицей на его шее.

– Прости, – шепчет мне девушка, возясь с седельной сумкой. – Очень хотелось на него взглянуть. Он молодой и красивый, правда?

Я усмехаюсь на девичью глупость и, как только она застегивает карман, отправляю кобылу в путь.

– Легкой вам дороги! – кричит в спину Хийя. – Будем снова ждать вас у нас в городе!

Ваалис я покидаю полчаса спустя, а со мной его покидает и маг крови со своими псами. Пару часов двигаемся неспешно, затем маг приказывает ускориться. К ночи мы точно доберемся до ближайшей деревни и, очевидно, заночуем там, в дорожном трактире.

Лошади то несутся во весь опор, то переходят на шаг, чтобы отдохнуть. Ни остановок, ни передышек нам самим, лишь глоток освежающей воды прямо на ходу. Заговаривать со мной, к счастью, тоже никто не пытается, но между собой переговариваются. Псы, не маг. Этот молчалив как рыба. Я прислушиваюсь к коротким беседам, изучая соперника. Через несколько дней им всем предстоит погибнуть, а их разговоры помогут создать лучшие условия для этого.

Только я и подумать не могла, что их попытается убить кто-то раньше меня. Хотя особого удивления это не вызывает.

Нападение происходит в сумерках. И нападающие – настоящие безумцы, решившие, что маг крови силен лишь за счет своей своры, а раз их с ним всего четверо...

Из леса, с обеих сторон от тракта, появляется несколько десятков полуэльфов. Они не скрываются, в их глазах горит люта злоба. Под копыта нашим коням летит что-то дымящееся и взрывается громкими искрами.

– Убьем их всех! – ревет кто-то, пока лошади пронзительно визжат и встают на дыбы. – Кроме девушки! Она ни при чем!

И на том спасибо.

Я падаю на землю и некоторое время не вижу ничего, кроме плотного дыма. Но слышу звуки: звон клинков, крики боли, ругательства и топот копыт разбегающихся в разные стороны лошадей. Когда дым развеивается, у меня холодеет сама душа от открывшегося зрелища.

Полукровки... Среди них почти нет взрослых и опытных воинов. Многие не старше меня, а то и младше. Я узнаю того самого мальчишку, что старательно пытался вывести у меня направление путешествия. На него злюсь особенно сильно.

Самоуверенные и бесстрашные дураки! Смертники! Мага крови не задавить толпой! Против него нужна сила не меньше той, которой обладает он сам! И его псов не убить так просто – они сами бездушные убийцы. Поэтому все больше и больше полукровок падают замертво, пораженные мечами в самое сердце. А посреди этого хаоса бездвижно стоит он – маг крови. Наблюдает за развернувшейся бойней равнодушным взглядом. Пока не встречается им со мной. Тогда-то в его темных глазах и вспыхивает огонь.

Он вынимает из складок своего плаща нож и, не отрывая от меня взгляда, разрезает ткань на своей ладони вместе с кожей. Лезвие окрашивается кровью. Я холодею от ужаса. Все вокруг словно замедляется. Кажется, что само время останавливается. А затем еще живые полуэльфы падают замертво, как тряпичные куклы, брошенные на пол.

Я смотрю на мальчишку, у которого шея свернута под неестественным углом, и мои щеки обжигают хлынувшие из глаз слезы.

Поляну накрывает глухая тишина.

Раздаются стремительные шаги мага, он направляется ко мне. Полы его плаща развеваются, словно надвигается смертоносная черная туча. Жесткие пальцы подхватывают меня за ворот куртки и резко поднимают, отрывая мои ноги от земли. В глазах мужчины застыли неверие и злорадия.

– Я и подумать не мог, что ты настолько глупа, проводница.

Я хватаюсь за его руку и хриплю:

– Я здесь ни при чем.

– Я видел твой взгляд, Ния. Он желал мне смерти. Когда ты присоединилась к сопротивлению? До или после того, как согласилась работать на меня? Отвечай!

– Я не состою ни в каком сопротивлении, – шиплю я. – Я всегда была сама за себя.

Маг всматривается в меня пронзительным взглядом. Я смело смотрю в ответ. Поверит ли он мне или решит прикончить здесь и сейчас?

– Ты единственная знала, в какую сторону мы отправимся, – наконец холодно говорит он.

– Но не знала, что это тайна.

– Твое лицо в слезах. Тебе жаль этих полукровок.

– Я не выношу саму смерть, ясно? – заявляю я сквозь зубы. – Поэтому и сбежала от ваших псов у озера в Бриосе! Где маг крови, там смерть!

Мужчина сужает глаза, и в этот момент его окликают один из воинов

– Тайлос, Зик сильно ранен, нужна твоя помощь!

Маг на мгновение оборачивается, а затем снова смотрит на меня:

– Спрошу еще раз и советую ответить честно: ты знаешь, где находится долина Эльвос?

– Да, – выдыхаю я.

В тот же момент меня бросают на землю, как ненужную вещь. Я заваливаюсь на спину, шапка слетает с головы, но я не спешу за ней бросаться, чтобы не вызвать лишних подозрений – волосы и так прикроют уши.

Наблюдаю, как маг стремительно идет к раненому человеку, лежащему в крови на земле, и присаживается на корточки рядом. Избегая смотреть на убитых, я медленно поднимаюсь, подхватываю шапку и, держа ее в руках, встаю так, чтобы видеть, что делает маг.

С раненого мужчины сняли броню и одежду, полностью оголив торс. На боку зияет рваная рана от острого клинка, но помимо этого на его теле находится еще с десяток старых шрамов.

Маг заносит руку над раной, и кровь в ней начинает пузыриться, а затем просто смывается водой.

– Готов? – спрашивает мужчина у пса, лицо которого покрыто болезненной испариной.

Тот стискивает зубы и кивает. Но все равно мучительно кричит, запрокинув голову назад, когда маг прижигает рану огнем.

Я отворачиваюсь.

Когда через пару мгновений крик обрывается, я вновь смотрю на раненого и замечаю корку льда там, где до этого была кровь. Человек дышит спокойнее, на лицо возвращается румянец.

Маг распрямляется и раздает указания:

– Верните лошадей. И уберите убитых с дороги. С Бриосом разберемся на обратном пути.

Я надеваю шапку и первой ухожу искать Снежинку.

Какой вывод можно сделать из произошедшего? Магу крови необходимо добраться до долины. настолько сильно, что он готов закрыть глаза на мою дерзость, возможную причастность к некоему сопротивлению и жажду его смерти, которую мужчина разглядел в моем

взгляде. Что бы ни произошло дальше, маг не убьет меня, потому что только я могу привести его к цели. И это очень полезное открытие. Жаль только, что из-за него убито несколько десятков моих сородичей.

Около часа уходит на то, чтобы разыскать лошадей и успокоить их, затем мы вновь отправляемся в путь. Я втайне надеюсь, что не все из нападавших погибли и есть тот, кто позаботится о телах убитых.

К придорожному трактиру мы добираемся за полночь.

Разумеется, хозяин захудалой забегаловки предоставляет все самое лучшее для мага крови и его людей. Он приказывает жене немедленно накормить важных гостей, а сам отправляется протирать засаленные столы до кристального блеска, что у него выходит плохо. Впрочем, ни магу, ни его псам, ни уж тем более мне нет дела до чистоты столов. Мы все просто голодны, и меня немного злит такое простое сходство с этими чудовищами.

Маг крови приказывает своим людям не увлекаться хмельной настойкой и усаживается за отдельный стол. Я тоже сажусь в стороне от людей, но осторожно продолжаю наблюдение за ними, пока мужчина в черном, закончив с ужином, не приказывает мне сесть за его стол.

Он подзывает трактирщика и просит принести карту. Тот тут же спешит выполнить поручение, а маг тем временем молчаливо вглядывается в мое лицо.

– Презираешь меня за самую мою суть, проводница? – в конце концов, негромко спрашивает он.

Я откидываюсь на спинку стула и скрещиваю руки на груди:

– Вы сами выбрали путь убийцы.

– Откуда такая уверенность?

– Я неправа?

– Нет.

Я с любопытством склоняю голову вбок, но у стола появляется трактирщик:

– Карта нашей местности, господин.

Маг взмахом руки отправляет мужчину восвояси и разворачивает по столешнице пергамент. Некоторое время внимательно изучает рисунок, после смотрит на меня:

– Покажи дорогу, по которой мы отправимся дальше.

Я облокачиваюсь на стол и через минуту кладу указательный палец на край карты с южной стороны.

– По главному тракту, вплоть до южной границы земель близ Бриоса.

Мужчина кивает и тоже ведет пальцем по карте. Я обращаю внимание на свежую черную ткань на его кисти.

– Следующую ночь проведем в этой деревне, – маг придвигает палец ближе к моему, – после придется ночевать в лесу.

– Да.

Он убирает палец и, сворачивая карту, замечает:

– Я не испытываю счастья от того, что убил десяток полукровок. Но и жалеть тех, кто сам безрассудно ищет смерти, не могу. Предлагаю тебе поступить так же.

Маг встает из-за стола, разворачивается в сторону лестницы на второй этаж и предупреждает:

– И, Ния, в твоих же интересах, чтобы с нами больше ничего не произошло.

Я бесшумно хмыкаю, а через некоторое время тоже отправляюсь спать.

Следующий день проходит так же, как предыдущий: пыльная дорога, палящее солнце и бесконечная усталость от пребывания в седле. Мне непривычно так быстро путешествовать, но не могу не радоваться, что вместе с топотом копыт моя цель становится все ближе. Правда, печально осознавать, что так сильно устаю только я.

Что маг крови, что его псы всю дорогу выглядят до обидного бодро. Мужчины даже умудряются перекидываться скабрёзными шуточками и хохотать. А тот, кого зовут Зик, на редких остановках не спускает с меня сального взгляда, от которого становится до жути мерзко.

Сам маг по-прежнему остается в стороне, словно ему чужды человеческие привычки. Он хозяин своих псов и ведет себя соответствующе: кормит, поит и заботится о своих питомцах в разумных пределах, чтобы в нужный момент те кинулись на его защиту или, брызжа свирепой слюной, сами напали на кого он укажет.

С наступлением сумерек мы приходим в деревню в два десятка домов. Нам выделяют две чьих-то избы для ночевки, и маг располагается отдельно от всех. Старший по деревне – мощный и крупный мужчина, главный пахарь – в честь неожиданных, но очень «желанных» гостей устраивает целый пир прямо на главной площади, чтобы сытно и вкусно их накормить-напоить. Псы по-человечески довольны приемом: набивают пузо едой, запивают лучшим из вин, что есть в загашнике старшего, и сально поглядывают на местных женщин. Вскоре на площади поджигают костер, так как близится ночь.

Еще через час маг крови объявляет, что пора отправляться спать. Я уже давно нахожусь в стороне от разгульного сборища людей и, поднявшись с мешков с какой-то крупой, замечая, как Зик хватается за плечо рыжеволосую девушку и тянет за собой. Та покорно следует за ним, но счастливой точно не выглядит. Направляясь в выделенный нам дом, Зик смотрит на меня в упор и мерзко широко ухмыляется. Мне становится до тошноты противно.

Я отворачиваюсь и натыкаюсь на пристальный взгляд мага. Его лицо не выражает никаких чувств, а вскоре он отводит от меня темные глаза и идет в свой дом. Я подхватываю вещи и через полчаса нахожу высокое дерево, в излучине которого и устраиваюсь с удобством на всю ночь.

К вечеру следующего дня нам приходится свернуть с главного тракта и пробираться сквозь высокие и ветвистые деревья в поисках места, где можно провести ночь. Южную границу земель близ Бриоса мы минуем за час до темноты. Местность заметно меняется: деревья намного ниже тех, что встречались ранее, и растут гораздо ближе друг к другу. Приходится спешиться – лошади то и дело спотыкаются о толстые корни, покрытые мхом и прочей растительностью. Лично мне такой вид деревьев, да и местность в целом, кажутся знакомыми. Вероятно, видела рисунки подобной растительности в записях мамы, но не помню тему, к которой они относились. Или мой мозг настолько устал от бесконечной скачки, что напрочь отказывается даже просто думать.

В конце концов, мы натыкаемся на крохотную поляну размером не больше человеческого стога сена, и маг решает ночевать здесь. Люди разводят костер, вынимают из седельных сумок вяленое мясо, хлеб, сыр и бутылку с вином, которое в дорогу дал старший той деревни, и устраивают собственный маленький пир. Я за этим наблюдаю с высоты дерева, которое выбрала для сегодняшней ночи, доедая последнюю пиану. Маг, после ужина устроившись у корней дерева напротив моего, делает вид, что спит. Поужинав, я проваливаюсь в неглубокий сон.

Будит меня мерзкий хохот Зика, проходящего мимо моего дерева:

– Эх, как же не хватает сейчас компании той рыженькой бестии!

Ему отвечают таким же отвратительным хохотом:

– Так ты пошел отлить или грезить о ее прелестях? Или о прелестях нашей хорошенькой проводницы, а, Зик?

И снова многоголосый взрыв хохота, от которого становится тошно.

Откидываюсь головой на ствол дерева и успокаиваю себя тем, что до Парящих скал осталось пару дней пути. А затем слышу какое-то сдавленное бульканье. Я нахожусь ближе всех к месту, которое для своих нужд выбрал мерзкий Зик, поэтому остальные не слышат странные звуки.

Подбираюсь и выискиваю глазами внушительную фигуру человека. В первую очередь срабатывает инстинкт, вынуждающий меня тут же подскочить на ноги, снять с сучка лук и приладить стрелу. Потом я припоминаю, кто именно находится в опасности и что сказано в маминих записях про змеедавов: у этих тварей огромные размеры, толстые туши и удивительная скорость. Своих жертв они выискивают исключительно вблизи от гнезда и никогда не выходят на охоту в одиночку – всегда вдвоем, самка и самец. Они затыкают рот своей добычей кончиком хвоста и в короткие сроки обвивают ее тело кольцами своей мощной туши. А дальше самое болезненное для жертвы: кольца становятся плотней, сжимаются, давят, и жертва бьется в агонии, пока ее кости превращаются в мелкое крошево.

Это сейчас и происходит с псом мага крови.

Глаза Зика сильно выпучены, на лице застыло мучительное выражение дикой боли. Если я прислушаюсь, то услышу, как хрустит его ломающийся скелет. В моей груди бушуют смешанные чувства от этого ужасного зрелища. Но мне не должно быть его жаль. Нет. Уверена, та деревенская девчонка кричала под ним так же сдавленно, пока он затыкал ее рот своей ручищей.

Зик ловит мой взгляд.

Из-за того, что он о чем-то меня отчаянно умоляет, я не обращаю внимания на поднимающийся шум в остальном лагере. Видимо, себя показал второй змеедав. А через секунду понимаю, что пес мага крови умоляет меня подарить ему быструю смерть. Но могу ли я быть столь щедрой с тем, кого ненавижу всем сердцем?

Рядом звучит равнодушный приказ:

– Убей его.

Знаю, что я должна почувствовать удовольствие, прикончив врага, но руки предательски дрожат, а кончики пальцев немеют от того, как сильно я сжимаю хвост стрелы.

– Нет, – выдыхаю я и начинаю опускать лук, но мне не позволяют.

Маг подхватывает мои руки в свои, прижавшись грудью к спине, поднимает лук и моими же руками выпускает стрелу в своего человека. Через несколько ударов моего оглушительно барабанившего сердца она вонзается мужчине прямо в глаз. Зик мгновенно обмякает.

Над моей головой глухо звучит голос мага крови:

– В мире, в котором мы живем, не убивают лишь дети. Пока не повзрослеют. Может, и тебе, Ния, пришла пора взрослеть?

Я вырываюсь из его рук, чувствуя себя до ужасного паршиво, вешаю лук на плечо и тянусь за колчаном. Бросаю, прежде чем прыгнуть с дерева:

– Рядом гнездо змеедавов, нам лучше найти другое место.

Глава 3

За день пути до Парящих скал мы ночуем в заброшенной хижине – точнее, в ней ложится спать маг крови и его псы, я же, как всегда, удобно устраиваюсь на одном из деревьев и решаю, что эта ночь как нельзя лучше подходит для того, чтобы Снежинка «сбежала».

После случая с Зиком три других пса смотрят на меня волком. Однажды я слышала, как они шепчутся о том, что маг крови зря мне доверяет: мол, сначала нападение полукровок, а затем гнездо змеедавов. А к вечеру следующего дня они даже попытались донести свои подозрения хозяину. Тот их, впрочем, равнодушно осадил, приказав и далее не трогать меня даже пальцем. Но у одного из псов настолько поехала крыша, что он осмелился послушаться мага крови.

Я специально привязала свою лошадь в стороне от остальных и теперь, обняв ее крупную шею на прощание и поблагодарив за помощь, отвязываю. Снимаю с нее все лишнее и легонько шлепаю ладонью по крупу, чтобы дать понять, что отныне она вновь свободна.

Когда приметную в ночи белесую фигуру поглощает чернильная темнота, я присаживаюсь на корточки и врезаю ногти в землю, сосредотачиваясь. Через несколько минут у меня выходит осторожно поднять кусок земли. Сваливаю в получившуюся яму седло и удила и возвращаю пласт земли обратно. Присматриваюсь к месту. Все выглядит так, как было до моего вмешательства, а лишнюю землю я развеиваю по ветру и отправляюсь обратно. Утром мне предстоит «жалеть» о том, что я, очевидно, плохо привязала свою лошадь.

Я издалека замечаю какое-то копошение у дерева, которое выбрала для ночевки. Сердце пропускает удар, а затем я выхватываю из-под полы курки кинжал и перехожу на бег. Пес тоже меня замечает, скалится хищно, бросив мою сумку, которую обшаривал, и выхватывает меч.

– И какая напасть ожидает нас дальше, проводница? – рычит мужчина, надвигаясь на меня. – Где ты была? Готовила нам следующую ловушку?

– Тебя не учили, что рыться в чужих вещах некрасиво? – шиплю я в ответ.

Если он видел карту, мне придется его убить.

Пес усмехается, бросает взгляд на мой короткий кинжал, а затем перекручивает в руке меч:

– Если отрубить тебе ноги, ты по-прежнему сможешь указывать Тайлосу направление, а вот строить нам козни – увы. Если, конечно, действительно ведешь нас туда, куда он желает, в чем я очень сомневаюсь.

– Зверушка не доверяет своему хозяину? – хмыкаю я.

– Признайся в том, что Зик подох из-за тебя! – рывкает пес.

Я равнодушно жму плечами, и мой жест выводит его из себя окончательно. Мужчина с ревом бросается вперед и заносит руку с мечом над головой. В нее я и бросаю свой кинжал. Человек взывает от боли, меч летит в траву, и я тут же бросаюсь к нему. Знаю, что шансов мало, но все же рискую. И почти дотягиваюсь до рукояти железки, но мужчина хватается меня за шкуру, дергая вверх, и пинает меч в сторону. Бросает меня на землю, переворачивает лицом вверх и садится сверху:

– Прикончу тебя так же, как ты хотела прикончить Зика, маленькая дрянь!

Он обхватывает мою шею огромными ручищами и сдавливает на ней пальцы. Глаза горят лютой ненавистью, а лицо искажает хищный оскал. Вот кому приносит истинное наслаждение убивать. Но в мои планы не входит смерть.

Из-за давления на шею и нехватки воздуха кружится голова, мешая сосредоточиться. Животный инстинкт самосохранения не позволяет расцепить пальцы на руках убийцы, как будто они способны остановить неминуемое. И в момент, когда я все же заставляю себя отнять хотя бы одну руку, чтобы подхватить пальцами воздух, над псом появляется черная фигура мага крови. Он хватается мужчину за волосы, дергает его голову назад и распарывает горло моим кинжалом. Мои лицо и шею орошает густая и теплая кровь.

Я резко хватаю ртом воздух, отчего горло рвет острая боль, и начинаю кашлять. Меня спасло то, что пес жаждал моей медленной смерти от удушья, а не от перелома шеи.

Тем временем маг сбрасывает с меня тело и глухо говорит оставшимся двум псам, что стоят недалеко от нас:

– Больше повторять не буду: проводница нужна мне живой.

С этими словами он разворачивается и уходит, оставив убитого на остальных. Я бросаю взгляд в сторону своей сумки, и тем самым допускаю ошибку – один из псов это замечает. Рядом с сумкой помимо всего прочего валяется карта! Я подскакиваю с земли, и мужчина срывается в том же направлении.

– Тайлос! Тайлос, у этой дряни есть карта!

По позвоночнику прокатывается ледяной ужас, но я все же успеваю первой упасть на колени возле своих вещей. Хватаю карту и прижимаю к груди, где в ребра бешено долбит сердце. Не представляю, как теперь выкручиваться!

Меня грубо пихают коленом в плечо и рывкают:

– Боишься стать бесполезной?

Я молчу, жду, когда подойдет сам маг крови, потому что слышу его неспешные шаги, и тем временем думаю-думаю-думаю.

Когда он замирает рядом со мной, мрачный и молчаливый, я выпаливаю:

– Это ненастоящая карта! Она моя... личная. Составленная мной. Там нет ничего интересного!

Мужчина лишь хмыкает:

– Позволишь взглянуть?

– Нет!

– Ния, дай карту мне, – холодно чеканит он каждое слово.

Мне конец.

Я не шевелюсь.

И тогда маг склоняется, его пальцы обхватывают край карты, а возле уха звучит устало:

– Ты либо невозможно вредная, Ния, либо тебе есть что скрывать. Будет жаль, если выяснится, что я зря убил своего человека.

На мой взгляд, не зря, но мы же сейчас не об этом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.